

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ю.М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИЗМА

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF TERRORISM

Раскрываются социально-психологические основы объединения в террористические группы, стадии групповой консолидации, мотивы обращения к террору и психологические черты участников террористических групп. Обосновывается, что террористические проявления в России связаны, главным образом, с негативным отношением не к собственно русскому народу, а к российской власти.

Social and psychological bases of association in terrorist groups, stages of group consolidation, motives of the appeal to terror and psychological lines of participants of terrorist groups reveal. Locates that terrorist manifestations in Russia are connected, mainly, with negative attitude not to actually Russian people, and to the Russian power.

Терроризм и его отдельные проявления невозможно понять без исследования социально-психологических явлений и процессов, которые приводят к нему и обуславливают специфику его отдельных видов. Социально-психологические проблемы терроризма можно рассматривать на нескольких уровнях: конфликтов между большими национальными и конфессиональными группами; конфликтов между малыми социальными группами национального или религиозного характера, т.е. своеобразных «низовых» психологических явлений; социально-психологических явлений и процессов, проходящих в самих группах, больших и малых, которые влияют на формирование конкретных мотивов активности, определение групповых целей, способов достижения последних и т.д. Последний аспект включает в себя имеющий огромное значение

социально-психологический вопрос структуры группы, лидеров и подчиненных, иные аспекты отношений внутри группы.

Сложность социально-психологической материи, с которой мы имеем дело, исследуя терроризм, требует достаточно чувствительного анализа и соответствующих оценок. В частности, мы имеем дело с особым по своему воздействию феноменом, который не укладывается ни в понятие государства или права, ни в понятие географически очерченных этнических или религиозных общностей. Поэтому надо исследовать «неформальные сети» — диаспорные, радикально-фундаменталистские и архетипические или нарко-криминальные коалиции. Такие коалиции не обязательно привязаны к какой-то одной этнической или религиозной группе, сейчас появляются и укрепляются транснациональные и «псевдоцивилизационные общности» — исламская, арабская, тюркская и т.д.

Солидарность и сплоченность транснациональных и «псевдоцивилизационных» общностей, допускающих террористические выпады, обеспечивается, в том числе, социально-психологическим путем — при общении друг с другом различных формальных и неформальных групп и их элиты единого этнического, религиозного или политического профиля. Другой путь — средства массовой информации, в частности электронные, с помощью Интернета. Но и такое общение следует признать социально-психологическим, поскольку, как можно допустить, способ связи не имеет решающего значения. Как показывает практика, именно Интернет стал способом объединения людей во время массовых выступлений в арабских странах в 2011—2012 гг., во время которых акты террористического насилия осуществлялись очень часто.

Социально-психологическое единство особенно требуется для меньшинств (национальных, политических и т.д.), их общение и отдельные контакты носят, как правило, неформальный характер. Интересно, что соответствующие социально-психологические общности достаточно хорошо владеют приемами борьбы со своими противниками, обращаясь с просьбами о помощи и защите к великим державам и международным организациям, включая ООН и Евросоюз. Между тем многие из названных коалиций сильно скомпрометировали себя террористическими проявлениями. Поэтому сегодняшний мир должен быть озабочен защитой прав большинства и государства, которые становятся жертвами хорошо организованного меньшинства, имеющего к тому же умелых лидеров. Последние появляются по неформальным социально-психологическим механизмам, но могут стать руководителями вполне формальных организаций, например политических партий. Интересы большинства ими просто могут не приниматься во внимание, тем более, что эти интересы чаще всего защищает государство. Само же большинство (как, например, в России) отнюдь не так спаянно, как меньшинство, и в неформальном плане хуже организовано.

Для науки и практики борьбы с терроризмом необходимо создать модель функционирования всей террористической группы в целом, поскольку профилактическая, оперативно-розыскная и иная деятельность во многом зависит от понимания социально-психологических механизмов активности всей группы. В нашем исследовании терроризма, осуществленном в 2007 году, наибольший процент среди членов групп составили лица чеченской национальности, а в 2012 году их доля заметно сократилась за счет представителей других северокавказских наций. Но и тогда, и теперь террористические группы формируются по

принципу землячества и представляют собой по большей части монолитные образования. Эти организации отличаются глубокой конспирацией, жесткой дисциплиной, национальной обрядностью, стремлением к кровному родству, способностью к самопожертвованию.

В отличие от групп, объединяющих людей, которые считают себя христианами, первые особенно привержены вере, которая, как показало исследование отдельных их членов, ощущается ими как нечто живое, актуальное и очень важное, как несомненное условие их существования. Вера эта близка к фанатизму.

Террористические группы формируются еще и на основе национального и кланового родства. Не случайно их часто называют общинами. В своей преступной деятельности они постоянно опираются на диаспору, проживающую в данной местности. В роли боевиков могут выступать не только постоянные члены групп, но и мелкие, так сказать, одноразовые исполнители отдельных поручений.

Один из признаков этнорелигиозной психологии терроризма — это чувство солидарности и безоговорочная поддержка своих. Вместе с тем террористическое движение является достаточно организованным. Его структура предполагает наличие разветвленных многонациональных и иерархически связанных подразделений. Организованность, в свою очередь, влияет на характер террористической активности, ее содержание и особенности протекания социально-психологических явлений. При групповой и тем более этнорелигиозной поддержке преступных действий они воспринимаются каждым членом группы как морально справедливые и оправданные, даже одобряемые.

Понимание государства как одной нации, как совокупности всех граждан и выразителя всех их интересов и гаранта их прав направлено на преодоление сопротивления воинствующего меньшинства. Но в зависимости от исторических и актуальных условий оно может иметь свои особые цели, реализация которых должна осуществляться насильно, особенно если насилие вообще присуще этой общности, закреплено в ее традициях с помощью социально-психологических и архетипических законов. Это мы видим у многих северокавказских народов, спаянных в том числе и такими традициями, выражающими их доблесть. Если такие (и подобные им) народы ощущают угрозу своим традициям, ценностям и символам, своей групповой целостности и культурному самовыражению, они готовы идти на все, в том числе на террористическое насилие.

Здесь действуют и архетипические механизмы, заключенные в групповые рамки. Члены группы ощущают угрозу и своей матери-земле, а

ради ее защиты они готовы уничтожить любого, по их мнению, агрессора.

Как показали наши исследования терроризма на Северном Кавказе, в состав террористических групп могут входить и подчиняться их правилам не только представители коренных народов, но и любых других. Для большинства «легионеров» риск, приключение, игра со смертью составляют смысл жизни; торжество «правды» тех, с кем вместе они сражаются с властью, — пустой звук. Сделав ценности группы (во всяком случае, внешне) своими, они тем самым приобщаются ко всему воинствующему меньшинству и делают его частью. Это явление не уникально для России, его можно встретить и в других странах мира. Так, одним из самых опасных исламских террористов является некто Перльман, еврей по национальности, еще в юности принявший ислам.

Известно, что терроризм появляется не там, где люди просто бедно живут, а там, где им при этом внушают, что они живут бедно по вине кого-то, что они несправедливо лишены очень важных для них прав, что их интересы и ценности попираются кем-то, кто богаче и сильнее, а само богатство и сила этих «кого-то» растут за счет эксплуатации «слабых». Такое мнение формирует элита сравнительно большой воинствующей группы, а затем оно передается малым социальным формальным и неформальным объединениям. В процессе воспитания и повседневного общения такие мысли усваиваются отдельными лицами и становятся убеждениями, оправдывая в их глазах все поступки, в том числе самые отвратительные.

Таким образом, можно считать установленным, что психологическое состояние общества, его социальная нестабильность являются коренными причинами терроризма.

В этих условиях группы не всегда идут на взаимные уступки и решают возникающие между ними проблемы путем переговоров. Напротив, они пытаются решить их с помощью насилия.

Защищая себя, члены группы будут укреплять свое единство и отстаивать общегрупповые интересы. Одним из способов такого укрепления является создание образа «врага», который может быть обвинен во всевозможных прегрешениях и которому будет приписана вина за возникший конфликт, за все бедствия, которые пережила обвиняющая сторона. Так поступали немецкие фашисты в отношении евреев и коммунисты в отношении кулаков, представителей свергнутых классов и т.д.

С точки зрения психологии объективные факторы находят свое социально-психологическое отражение в индивидуальном и групповом сознании в форме установок, стереотипов и доминирующих психологических состояний. Социальная

нестабильность приводит к потере жизненной перспективы и веры в будущее, возникновению отчаяния и на базе этого к готовности к насилию. Тем более, что на первый план выдвигается социокультурный, этнорелигиозный фактор, как это произошло в России. Самое главное — люди чувствуют угрозу своему существованию, которой может не быть. Они начинают объединяться по признаку крови или по вере одним и тем же божествам.

Подводя итог сказанному, нужно указать на следующие основные мотивы обращения к террору тех или иных групп для решения своих актуальных проблем:

- обеспечение собственной безопасности, причем понимание такой безопасности и способы ее обеспечения могут быть весьма специфическими, но неизбежно связанными с данным народом, его традициями, историей и т.д.;

- преодоление трудных жизненных условий, но без анализа того, что в действительности вызвало их, и естественный поиск причин не в себе, а в каких-то внешних силах;

- стремление к самоопределению, выходу из-под чужого влияния;

- нужда в самоуважении и уважении к данному народу других национальных групп.

Для успешной борьбы с терроризмом очень важно учитывать все эти социально-психологические явления и процессы. Именно они приводят к тому, что люди становятся жертвами массовых мобилизаций и радикальных, особо опасных проектов. При этом рекруты лживых лозунгов и призывов сами являются людьми низкой общей и религиозной культуры. Те же, которые ими руководят, совсем не заинтересованы в ее повышении, раскрытии позитивного потенциала религии, в особенности ислама. Те группы и те люди, которые в основном руководствуются исламскими ценностями, часто ощущают свою отстраненность от государства, в котором они живут, где ислам еще не стал одной из позитивных основ духовного обновления. Названная дистанция тоже способна стимулировать людей, особенно молодых, к переходу на самые радикальные позиции.

В дистанцированных группах часто процветают ксенофобия и экстремизм, готовность действовать самыми радикальными способами, чтобы защититься от «врага». Иными словами, в таких группах процветают недоброжелательство, страхи, подозрительность, которые очень важно учитывать, поскольку они скрепляют группу и определяют ее направленность, а также способы решения задач, которые эти группы ставят перед собой.

Естественно, что, приступая к изучению террористических групп как единиц социально-психологического анализа, вовсе не предполага-

лось, что их члены обладают одними и теми же психологическими (патопсихологическими) особенностями. Однако было установлено, что основная масса представителей этих объединений характеризуется одними и теми же или сходными чертами.

К их числу относятся:

- экстернализация, т.е. поиск вовне источников личных проблем, которые затем становятся объектом агрессии. Хотя эта черта не является паранойяльной, имеет место сверхсосредоточенность на ней;

- постоянная готовность к обороне, чрезмерная поглощенность собой и равнодушие к чувствам других. Эти черты как раз связаны с паранойяльностью террористов; так, для 88% обследованных нами террористов типична агрессия как реакция на возможную опасность извне;

- ригидность, застреванность эмоций и переживаний, которые сохраняются на длительный срок даже после того, как исчезла вызвавшая их причина;

- нарциссические влечения, неудовлетворенные которых ведет к недостаточному чувству самоуважения, которое жизненно необходимо. Нарциссизм характерен не только для лидеров террористических групп, но и для рядовых их членов;

- склонность к игре, опасности, риску, среди которых особо следует выделить игру со смертью. Подобная склонность отмечена у молодых членов террористических банд и тех, которых нельзя отнести к представителям коренной национальности. Эта общая черта их очень сближает;

- предельная нетерпимость к тем, кто думает иначе, и фанатизм, порожденный максималистскими идеями спасения своей этнорелигиозной группы, ее торжества и полного посрамления и уничтожения ее ненавистных врагов.

Не нужно думать, что все перечисленные черты обязательно свойственны каждому участнику террористической группы, но они имеются у большинства, что скрепляет ее. При этом надо иметь в виду, что наиболее ярко, как показало исследование, они выражены у лидеров и у наиболее активных участников, ведущих вооруженную борьбу с федеральной властью. Все те группы, которые совершали террористические акты, чаще всего формировались из боевых подразделений.

Изменения в поведении террористической группы зависят как от внешних факторов, изменений ситуации, в которой им предстоит действовать, так и от новых решений лидера или лидирующего звена. Эти решения обсуждаются лишь с позиций наилучшего их выполнения. Большинство террористических преступлений совершается не в одиночку, а в составе воору-

женной группы, особенно в случае захвата воздушных и водных судов, школ, зданий с большим скоплением людей. Даже суицидальные террористические акты имеют место в результате групповых действий. Мы поэтому должны исходить из известного фактора, что группа людей влияет на социализацию и поведение человека. Не случайно групповые террористические проявления по сравнению с индивидуальными обычно имеют более высокую общественную опасность, так как в условиях группы психологически облегчается совершение определенных действий, тем более тех, которые обладают высокой степенью риска. Группа снимает колебания отдельных своих членов и создает возможность вовлечения в активность новых лиц. Немаловажное значение имеет и психологическое антисоциальное заражение членов террористического движения.

В любом обществе существуют межгрупповые различия, и этого невозможно избежать. Такие различия всегда пытались использовать для того, чтобы разжечь ненависть и вражду между группами, используя это в экстремистских и террористических целях. Лидеры групп наживали на этом немалый политический капитал, который использовали и в своем продвижении к лидерству, и в удержании лидерских позиций. Они приобретают большой опыт группового манипулирования как механизма консолидации этнических (национальных) и религиозных групп в ходе межгрупповых конфликтов.

Можно выделить несколько стадий на пути групповой консолидации в целях экстремистской и затем террористической активности.

Вначале эмоционально и красочно (в первую очередь в книгах и статьях) описываются все действительные и мнимые обиды, нанесенные группе, ее герои, хотя в реальности они могли быть достаточно вульгарными разбойниками. Вообще все прошлое группы героизируется, даже если для этого нет веских исторических оснований, но в этом случае поправляют и историю.

Вторая стадия заключается в практических шагах группы, среди них нас интересуют, прежде всего, насильственные, хорошо подогретые предыдущей пропагандой. Если в военных действиях группа или союз групп терпит поражение, они начинают прибегать к террору, оправдывая его тем, что «мы убиваем вас, как вы убиваете нас». Появляются смертники, которых чаще всего тщательно формируют, прибегая при этом даже к шантажу. Жертвы как бы освящают борьбу, но в целом к ним относятся индифферентно, поскольку они принадлежат к другому лагерю. Тем самым террористический акт морально легитимизируется.

Террористические проявления в России происходят не потому, что она пытается встроиться в систему глобальной западной культуры, а это вызывает противодействие групп, образованных на базе «крови и веры». Россия не очень-то и пытается встроиться в эту систему. Негативное отношение названных групп не собственно к русскому народу, а к российской власти базируется на том, что она, по их мнению, всегда угнетала и продолжает угнетать национальные и религиозные меньшинства.

Такие выводы сделаны на основе наших опросов осужденных за терроризм и сотрудников органов внутренних дел, участвовавших в контртеррористических мероприятиях на Северном Кавказе.

Группы «крови и веры» не способны создать современное независимое государство: печальный опыт так называемой Ичкерии доказывает это. Этнос — это общее понятие, самой высокой ступенью развития которого является современная

нация, которая строится не на одной лишь групповой принадлежности по крови и вере. Неудачи таких групп в государственном строительстве вызывают желание найти виновных, которых они способны обнаружить только вне своего круга, чтобы покарать их.

Но тем не менее существование в современном мире такого социально-психологического явления, как группы по родственным или только религиозным связям, — вполне реальный факт. Поэтому современная цивилизация обязана найти с ними продуктивные и взаимовыгодные контакты, исключающие насилие и предполагающие взаимное уважение. Вместе с тем нужно учитывать, что группы «крови и веры» вовсе не стремятся изменить свой образ жизни и присоединиться к чуждым для них ценностям. Попытки насильно заставить их жить иначе — трагическое заблуждение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонян Юрий Миранович. Главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России.

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.
Россия, 115172, г. Москва, Котельническая набережная, 28/5.

Antonyan Yury Miranovich. The main research associate of Ministry of Internal Affairs All-Russian research institute of Russia. The doctor of law, the professor the honored worker of a science of the Russian Federation.

Work address: Russia, 115172, Moscow, Kotelnicheskaya embankment, 25/8.

Ключевые слова: терроризм; психология группового терроризма; социально-психологические основы мотивации; террористическая группа; группа «крови и веры».

Key words: terrorism; psychology of group terrorism; social and psychological bases of motivation; terrorist group; group «blood and beliefs».

УДК 343.8

В.Н. Винецкий,
ГУ МВД России
по Краснодарскому краю

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ОРИЕНТИРЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

CONTEMPORARY MEDIA INFORMATION IS A SOCIAL PHENOMENON: CRIMINOLOGICAL COGNITION REFERENCE POINT

Статья посвящена анализу информационной сферы современного общества с точки зрения криминологического познания.

The article deals with the information sphere analysis of modern society from the point of criminological cognition.

Последние десятилетия отмечены ростом интереса к информации и массовым коммуникациям в целом. Обращение к этим феноменам определяется в наши дни многими обстоятельствами. Современная цивилизация, используя потенциал информационных ресурсов, стремительно преобразует окружающую среду, социальные институты, бытовой уклад, мышление людей. В этой связи массовая информация оценивается как фактор творческого жизнеустройства, источник общественных изменений.

Средства массовой информации формируют образцы действительности, которые приобретают все большее значение в социальной жизни людей. Изменения, происходящие в информационной сфере общества, делают массовую информацию важной составляющей оценки правоохранительной деятельности. Бурное развитие информационных технологий способствует виртуализации социальной реальности, в т.ч. и в сфере социального контроля над преступностью.

Процессы развития российского общества за последние десятилетия привели к появлению

новых реалий в сфере отображения средствами массовой информации проблем преступности.

Во-первых, массовая информация стала важным ресурсом, оказывающим воздействие не столько непосредственно на криминальные процессы, сколько на формирование общественного мнения о криминальной ситуации и деятельности правоохранительных органов.

Во-вторых, значительно возросло влияние средств массовой информации как информационных посредников между источником информации и массовой аудиторией, определяющее социально-политическое значение средств массовой информации по виртуализации, формированию имиджей и симуляций реальных процессов преступности и противодействия ей.

В-третьих, формируются новые подходы и формы взаимодействия правоохранительных органов со средствами массовой информации.

В-четвертых, современные средства массовой информации слабо ориентированы на соблюдение этико-правовых норм в освещении проблем преступности.

В-пятых, отмечается усиление влияния на средства массовой информации властных струк-

тур, бизнеса и различных политических сил при слабом общественном контроле.

На сегодняшний день процесс принятия решений в сфере правоохранительной деятельности и контроля над преступностью из сферы научно-политической часто перемещается в сферу массовых информационных дискуссий, субъектами которых выступают публичные деятели, политики и журналисты. Не подвергаясь профессиональной оценке, одни события получают широкое информационное освещение, а другие полностью игнорируются и выпадают из информационного поля. Более того, складывающаяся информационная конъюнктура часто требует освещения однополярных информационных поводов.

Современная правоохранительная политика и практика в значительной мере субъективно конструируются с использованием современных информационных технологий, что ведет к существенной виртуализации реальности в указанной сфере.

Во многом это обусловлено участием в создании информационного продукта не специалистов в сфере правоохранительной деятельности (ученых и практиков), а людей, имеющих лишь поверхностное представление о проблеме.

Освещение средствами массовой информации проблем противодействия преступности и правоохранительной деятельности должно основываться на соблюдении этических и правовых норм. Произвольное или целенаправленное игнорирование их в информационной деятельности приводит к смещению или замене смысловых акцентов, позиций и действий социальных субъектов.

Указанные обстоятельства предопределяют значение криминологических исследований проблем взаимодействия и взаимовлияния современных средств массовых коммуникаций, преступности и правоохранительной деятельности. Подобные исследования невозможны без глубокого познания современных средств массовой информации как сложного социального феномена.

В соответствии с ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [1]. Эти сведения, сообщения и данные образуют в современном обществе особый информационный процесс. В основе этого процесса лежит социальная коммуникация, благодаря которой возникает особая связь между людьми и их коллективами.

Социальная коммуникация рассматривается как «необходимый элемент взаимодействия людей, групп, народов, государств, в ходе которого осуществляется передача и взаимопередача информации, чувств, оценок, значений, смыслов, ценностей и т.д.» [17], «обмен

информацией между социальными субъектами» [22]. Субстратом социальной коммуникации выступает социальная информация, отражающая отношения людей, их взаимодействия, потребности и интересы [18].

Американский ученый К. Ховленд в середине XX века указал в содержании понятия «коммуникация» не только на процесс передачи информационного ресурса, но и на ее способность изменять поведение людей или их групп [23]. Последнее имеет особое значение относительно предмета нашего исследования.

Исходя из анализа различных типов (схем) коммуникации, представленных в социальной литературе [19, 21, 24], можно сделать вывод, что процесс коммуникационного воздействия включает в себя следующие составляющие: коммуникант (тот, кто передает сообщение), передаваемая информация, средство связи, реципиент (получатель сообщения), реакция (поведение) реципиента (в т.ч. посредством обратной связи).

Процессы коммуникации протекают на разных уровнях: межличностном, групповом, массовом. Массовая коммуникация представляет собой особую систему социального взаимодействия.

Философский энциклопедический словарь определяет массовую коммуникацию как систематическое распространение сообщений среди численно больших, рассредоточенных аудиторий с целью воздействия на оценки, мнения и поведение людей [20].

Массовые коммуникации могут иметь как непосредственный, так и опосредованный характер, с точки зрения адресности могут быть направленными или рассеянными, подразделяться по составу участников, по степени открытости, по характеру используемых знаковых средств и форм, по соотношению с действительностью, по содержанию информации и достижению целей, по распределению ролей и позиций между участниками коммуникации, по наличию или отсутствию обратной связи [21].

В зависимости от того, кому принадлежит контроль над информацией, включая ее отбор и интерпретацию, массовые коммуникации могут иметь несколько типов: от центра к множеству получателей, от каждого к каждому (сетевой тип), с поиском в информационном центре, от центра к периферии [25].

Каждый из указанных типов имеет свои особенности, которые следует учитывать в рамках криминологических исследований. Это позволит выработать рекомендации по противодействию криминальным составляющим массовых коммуникаций и по использованию антикриминального потенциала последних.

Массовая коммуникация, выступая в качестве процесса передачи информации, преследует в качестве конечной цели (этапа) оказание воздействия на получателя информации, посредством чего достигается необходимый социальный эффект, в т.ч. изменяется сознание и поведение людей. Она продуцирует к жизни массовую информацию. Последняя выступает в качестве социальной информации, которой оперирует общественная масса. Следовательно, социум здесь может выступать как потребителем, так и источником информации.

В соответствии с законом РФ «О средствах массовой информации» под массовой информацией понимаются сообщения и материалы, предназначенные для неограниченного круга лиц [9]. Любое сообщение, входящее в структуру массовой коммуникации и содержащее в себе массовую информацию распространяется при помощи определенных средств. Таковыми выступают средства массовой коммуникации, пред-

ставляя собой «каналы, способы, материальные носители, «приспособления» для фиксирования, хранения и распространения информации для, через или от массовой аудитории» [21. — С. 22].

Массовая информация рассчитана на массовое сознание. Последнее выступает особой разновидностью общественного сознания и характеризуется единством форм, отражением всех захватывающих интересов, противоречивостью, мифологизированностью, стереотипностью, ограниченным порогом доступности и информированности [14].

На основе модели, предложенной П.Н. Киричэк [15], следует заключить, что массовая информация, которую продуцируют коммуникаторы, может иметь конструктивную (антикриминогенную), неконструктивную (нейтрально-антисоциальную) и деструктивную (антисоциально-криминогенную) основу.

Криминологическая оценка качества массовой информации на основе модели П.Н. Киричэк

Позиции для анализа	Антикриминогенная информация	Нейтрально-антисоциальная информация	Антисоциально-криминогенная информация
Сущность	Социальная значимость	Социальная бесполезность	Социальная дезориентация
Замысел коммуникатора	Нравственность замысла	Бесцельность замысла	Аморальность или противоправность замысла
Стиль изложения	Выдержанность	Дискретность, беспокойность, вычурность	Грубость, просторечность, вульгарность
Моральный концепт	Открытый или скрытый моральный подтекст	Индифферентность подтекста	Открытый или скрытый аморальный подтекст
Правдивость	Раскрытие сущности факта	Соккрытие сущности факта	Искажение сущности факта
Характер содержания	Плюрализм взглядов	Авторский взгляд — инертность к иным взглядам	Монизм авторского взгляда — отторжение мнений оппонентов
Вектор целеполагания	Решение проблемы	Невозможность конструктивного решения проблемы	Усугубление поднятой и создание новой проблемы

В таблице определены типы массовой информации, даны криминологические оценки ее качества. На их анализе следует остановиться более подробно.

Антикриминогенными характеристиками обладает массовая информация, имеющая следующие признаки:

- значимость информации для общества, индивидов и их групп;
- наличие нравственного замысла при создании информационного продукта;
- выдержанность стиля изложения, обеспечивающая ровную, спокойную тональность подачи

информации, без вычурности и крикливости знаковых средств;

- присутствие в различных формах морального подтекста, поддерживающего нравственные ценности;
- раскрытие объективной сущности факта, события или явления, без намеренного сокрытия или искажения действительности;
- отображение в информационном продукте различных взглядов на поднятую проблему с привлечением мнений квалифицированных специалистов;
- нацеленность контента на решение социальной проблемы.

Нейтрально-антисоциальная массовая информация включает ряд характеристик:

- отсутствие значимости информации для социума;

- бесцельность замысла и анализа возможных последствий размещения массовой информации;

- стиль изложения информационного материала дискретный и беспокойный, использование вычурных и крикливых знаковых средств;

- индифферентный характер массовой информации в отношении нравственных ценностей;

- сокрытие действительности фактов, событий, явлений и манипуляция общественным сознанием;

- недопущение возможности решения поднятой проблемы, отсутствие конструктивной позиции.

Антисоциально-криминогенная массовая информация обладает следующим набором основных признаков:

- дезориентация массовой аудитории содержанием контента, не имеющим значения для социума;

- аморальный или противоправный замысел автора, преследующий эффект деградации и регресса;

- грубая тональность информационного материала, просторечность, выраженная вульгарность знаковых средств;

- открытый или скрытый аморальный подтекст, культивирующий антисоциальное или противоправное поведение;

- искажение событий, явлений и фактов и формирование искаженного восприятия и сознания массовой аудитории;

- отторжение мнений оппонентов по поднятой проблеме, их искажение и сокрытие, агрессивный монизм автора;

- нацеленность на усугубление поднятых проблем (создание новых), раскол и поляризацию аудитории.

В чистом виде обнаружение выделенных типов массовой информации достаточно сложно, однако преобладание какого-либо из них устанавливается относительно просто. Указанные выше признаки и свойства могут быть использованы в рамках криминологических исследований информационной сферы с помощью метода контент-анализа.

Соотношение выделенных нами типов массовой информации, преобладающих в информационном пространстве, позволяет определить вектор развития информационной культуры в обществе: от прогресса (преобладание антикриминогенной информации) до стагнации (преобладание нейтрально-антисоциальной информации) и кризиса (преобладание антисоциально-криминогенной информации).

На сегодняшний день стоит говорить о кризисе отечественной информационной культуры, в основе которой преобладают деструк-

тивные характеристики, что способствует возникновению социальной аномии. Указанный вывод подтверждается данными ряда исследований [15].

Основными средствами массовой коммуникации являются средства массовой информации. Последние представляют особый вид массовой коммуникации, характеристики которого важны для определения ориентиров криминологического познания.

Понятие и свойства средств массовой информации могут быть рассмотрены с правовой и социологической позиций.

Социологический аспект предполагает рассмотрение ряда существенных характеристик средств массовой информации [26].

В качестве первой характеристики исследуемого феномена нужно назвать институционализацию, т.е. наличие постоянного специального аппарата для планирования, сбора, отбора, подготовки к распространению информации или ее производства [21], в т.ч. обладание определенным юридическим статусом. Как правило, эту деятельность осуществляет профессиональный производитель информации, образующий собой центр производства информации [27].

Средства массовой информации оперируют информационным продуктом: универсальным по тематике и видам, целям коммуникаторов; общедоступным, актуальным, разным по своей природе. Потребление массовой информации имеет индивидуальный и знаковый характер, не предполагает синхронной обратной связи [21].

Выпуск контента средствами массовой информации происходит на регулярной основе, т.е. в определенные временные отрезки потребитель охватывается соответствующим контентом [25].

Средства массовой информации выступают одним из факторов формирования современных социальных общностей за счет создания у потребителей массовой информации психологической общности и солидарности относительно каких-либо позиций, интересов или запросов.

Завершая рассмотрение характеристик средств массовой информации, следует указать на способность последних оказывать различные по своей природе кумулятивные эффекты [21. — С. 28], т.к. в конечном итоге достигается определенный информационный результат. Приводит ли он к гарантированному изменению общественного сознания и поведения людей? Нет. Скорее выступает в качестве решающего фактора, воздействие которого в той или иной степени меняет ситуацию.

Согласно статье 29 Конституции Российской Федерации каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным

способом. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Каждому гарантируется свобода мысли и слова, свобода массовой информации. Цензура запрещается. Вместе с тем осуществление названных прав и свобод может быть сопряжено с определенными ограничениями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе.

К международным актам, которые регулируют вопросы массовой информации и являются обязательными для Российской Федерации в силу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, относятся, в частности, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека.

Законодательную основу функционирования средств массовой информации в Российской Федерации составляет комплекс нормативных правовых актов, основными из которых в целях криминологического познания выступают федеральные законы: «О средствах массовой информации», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» [2], «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [3], «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [4], «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [5], «О рекламе» [6], «О противодействии терроризму» [7], «О противодействии экстремистской деятельности» [8] и некоторые другие.

Помимо указанных нормативных правовых актов следует назвать приказ МВД России «Об утверждении концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы МВД РФ со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2009-2014 годы» [10], Приказ МВД РФ от 05.12.2005 № 992 «Об Информационном совете Министерства внутренних дел Российской Федерации» [11] и некоторые другие.

В соответствии со ст. 2 закона РФ «О средствах массовой информации» «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием). Из анализа рассматриваемого понятия следует, что средство массовой информации представляет собой «форму периодического

распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)».

Однако анализ статей 8, 17 закона РФ «О средствах массовой информации» дополняет сформулированное в ст. 2 понятие признаком регистрации. То есть форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием для обретения статуса средства массовой информации должна пройти государственную регистрацию, за незначительными исключениями (ст. 12 закона). С момента регистрации учредитель и редакция средства массовой информации приобретают особый юридический статус.

В этой связи возникает справедливый вопрос: как быть с теми формами периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием, которые не прошли соответствующую регистрацию, но с социологической точки зрения являются средствами массовой информации? Просматривается правовой пробел, т.к. формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием, официально не зарегистрированные, выпадают из правового поля. Частично указанный пробел компенсирует гражданское, административное и уголовное законодательство, а также законодательство о рекламе.

В первую очередь данная проблема касается массовой информации, распространяемой через сеть Интернет, т.к. «по действующему законодательству сайты в сети Интернет не подлежат обязательной регистрации как средства массовой информации» [12].

Реклама также представляет собой особую разновидность массовой информации, направленной на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. Субъекты, создающие и демонстрирующие такой информационный продукт, по факту выступают в качестве средств массовой информации.

Таким образом, с точки зрения возможностей криминологической оценки в качестве средств массовой информации следует рассматривать любые институционализированные формы периодического распространения массового информационного продукта на регулярной основе, способного посредством формирования (изменения) сознания и поведенческих установок отдельной личности и социальных общностей в целом достигать информационного результата.

Такое широкое толкование понятия средств массовой информации позволяет подвергнуть криминологической оценке различные формы периодического распространения массовой информации, имеющие взаимосвязи с криминальным феноменом, выявить их криминогенные и антикриминогенные характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: ФЗ от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (в ред. ФЗ от 27.07.2010 № 227-ФЗ, от 06.04.2011 № 65-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3448.

2. О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации: ФЗ от 13 января 1995 года № 7-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 3. — Ст. 170.

3. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: ФЗ от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 1. — Ст. 48.

4. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: ФЗ от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 7. — Ст. 776.

5. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: ФЗ от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6217.

6. О рекламе: ФЗ от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 12. — Ст. 1232.

7. О противодействии терроризму: ФЗ от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1146.

8. О противодействии экстремистской деятельности: ФЗ от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.

9. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 (с изм. и доп.) // Российская газета. — 1992. — № 32.

10. Об утверждении концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы МВД РФ со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2009-

2014 годы: Приказ МВД России от 1 января 2009 года № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Об Информационном совете Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД РФ от 05.12.2005 № 992 // СПС «КонсультантПлюс».

12. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — № 8.

13. Грибанов Е.В. Криминологические аспекты изучения культуры: монография / под науч. ред. А.В. Симоненко. — Воронеж, 2012.

14. Грушин Б.А. Массовое сознание. — М., 1987.

15. Киричек П.Н. Информационная культура общества: монография. — М., 2009.

16. Маклюэн М. Понимание медиа. — М.; Жуковский, 2003.

17. Социология. Основы общей теории. — М., 2002.

18. Тавокин Е.П. Информация как научная категория // Социологические исследования. — 2006. — № 11.

19. Урсул А.Д. Информация и мышление. — М., 1970.

20. Философский энциклопедический словарь. — М., 1989.

21. Фомичева И.Д. Социология СМИ: учебное пособие для студентов вузов. — М., 2007.

22. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации: словарь-справочник. — М., 2002.

23. Communication in Modern Society. — Urbana, 1948.

24. Reimann H. Kommunikationssysteme. — Tübingen, 1968.

25. McQuail. Communication Theory. — SAGE, 2000.

26. Lasswell H. Structure and Functions of Communications in Society // Mass Communications / Ed. by W. Shramm. — Urbana, 1960.

27. Media, Audience and Social Structure. — SAGE, 1986.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виневский Владимир Николаевич. Начальник ГУ МВД России по Краснодарскому краю.
E-mail: oios guvd@mail.ru
Россия, 350020, г. Краснодар, ул. Гаврилова, 96.

Vinevskiy Vladimir Nikolayevich. The chief of the Head Department of the Ministry Internal Affairs of Russia for Krasnodar Region.
Work address: Russia, 350020, Krasnodar, Gavrilova Str., 96.

Ключевые слова: преступность; предупреждение; средства массовой информации; криминологические исследования.

Key words: crime; criminality; prevention; mass media; criminological researches.

УДК 343.8

И.А. Насонова,
доктор юридических наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

PROCEDURAL AND JUVENILE PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье рассматриваются особенности процессуальных возможностей несовершеннолетних как участников уголовного судопроизводства. Определяются общие признаки указанных возможностей независимо от выполняемой данными участниками уголовного судопроизводства функции. Кроме того, обращается внимание на специфику процессуальных возможностей несовершеннолетних участников в зависимости от их назначения в уголовном судопроизводстве.

In the article the features of procedural and minors as participants in the criminal proceedings. Identifies common characteristics of these options, regardless of the data performed by participants in the criminal justice functions. In addition, attention is drawn to the specific procedural and minor participants, depending on their purpose in criminal proceedings.

Говоря о процессуальных возможностях участников уголовного судопроизводства, включая и несовершеннолетних лиц, нельзя не обратить внимание на соотношение таких родственных понятий, как «права» и «возможности».

Эти понятия напрямую связаны друг с другом. Так, в литературе субъективные права отождествляются с «разрешенным поведением», «допустимым поведением», «видом и мерой возможного поведения» [1], «мерой дозволенного поведения, обеспечиваемой государством» [2], «юридической возможностью действовать [3], «гарантированной законодательством возможностью действовать» [4].

Применительно к уголовному судопроизводству субъективные права определяются авторами как «охраняемые государством вид и объем возможного поведения индивида» [5]. Термин «возможности» подходит еще к одному понятию: «свобода».

Близким по значению к субъективным правам является понятие «свобода», которое также охватывается содержанием объекта защиты.

Свободы, так же как и права, — это предоставленные государством и закрепленные в нормах права возможности избирать вид и меру определенного поведения (действия или бездействия). И одни, и вторые принадлежат субъектам защиты и подлежат охране со стороны государства.

К каждому из них применимо правило о единстве трех возможностей: 1) возможность вести себя определенным образом; 2) возможность требовать определенных действий от других лиц (например, должностных лиц или других участников процесса); 3) возможность обращаться к государственным органам за обеспечением защиты прав [6].

Таким образом, процессуальные возможности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства — это их субъективные права и свободы, предусмотренные нормами процессуального права, и гарантированные государством.

С учетом вышеизложенного можно назвать следующие признаки процессуальных возможностей несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства:

1. Направленность их на защиту интересов особой категории субъектов — несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

2. Обусловленность возрастными особенностями их носителя. Несовершеннолетие (возраст до 18 лет) как биопсихосоциальный феномен отличают «связанные с гормональными изменениями в организме черты порывистости, неустойчивости желаний, нетерпимости, дерзости, любопытства, готовности к жертве и т.д., усугубляемые переживаниями неуверенности» [7].

3. Носителями указанных возможностей являются несовершеннолетние участники процесса, выполняющие разные функции: обвиняемые, подозреваемые, потерпевшие, частные обвинители, свидетели, гражданские истцы, гражданские ответчики. Следует отметить, что УПК РФ уделяет разное внимание указанным субъектам. Так, процессуальным возможностям несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых посвящены не только отдельные статьи (например, ст. ст. 48, 105 УПК РФ), но и целая глава в нем (глава 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних»). Что же касается несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, то законодатель отвел им более скромное место. Им посвящены отдельные статьи (например, ч. 2 ст. 45, ст. 191 УПК РФ). Правовая регламентация процессуальных возможностей несовершеннолетних гражданских истцов, гражданских ответчиков, частного обвинителя либо просто отсутствует, либо отличается чрезвычайной скудностью. Так, например, в отношении несовершеннолетнего гражданского истца она сводится лишь к ч. 3 ст. 44 УПК РФ. Вывод о существовании в уголовном судопроизводстве несовершеннолетнего частного обвинителя следует, главным образом, из ч. 2 ст. 20 УПК РФ, предоставляющей право законному представителю потерпевшего по делам частного обвинения обращаться с заявлением о возбужде-

нии уголовного дела. В то же время в законе отсутствуют прямые указания на участие в уголовном судопроизводстве несовершеннолетнего гражданского ответчика. Однако это не мешает авторам признать его существование в уголовном судопроизводстве [8. — С. 61]. При этом они ссылаются на анализ норм УПК РФ, правда, не делая каких-либо уточнений на этот счет. Примечательно также и то, что авторы придерживаются мнения о недопустимости признания обвиняемого гражданским ответчиком [8. — С. 179].

Необходимо отметить, что возрастные границы лица будут меняться в зависимости от принадлежности несовершеннолетнего к той или иной группе участников уголовного судопроизводства. Так, возраст несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в зависимости от вменяемого им преступления будет определяться следующими границами: от 14 до 18 лет.

Возрастные границы несовершеннолетнего потерпевшего могут быть гораздо ниже.

4. Фундаментом процессуальных возможностей несовершеннолетних являются права и свободы аналогичных совершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Так, несовершеннолетние обвиняемые обладают в основном теми же возможностями, что и совершеннолетние обвиняемые (например, знать, в чем он обвиняется; возражать против обвинения; заявлять ходатайства; получать копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого и т.д. (ч. 2 ст. 47 УПК РФ). Аналогичные базовые возможности предусмотрены и для иных участников уголовного судопроизводства: для подозреваемого (ч. 4 ст. 46 УПК РФ); потерпевшего (ч. 2 ст. 42 УПК РФ); свидетеля (ч. 4 ст. 56 УПК РФ).

Правда, некоторые возможности совершеннолетнего участника уголовного судопроизводства нетипичны для несовершеннолетних. Так, закон не предусматривает применение особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, поскольку производство по уголовному делу в отношении лица, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте, осуществляется в общем порядке с изъятиями, предусмотренными главой 50 УПК РФ [9. — П.15].

5. Базовые возможности участников процесса дополняются их специфическими возможностями, обусловленными возрастными особенностями данных субъектов. Специфические возможности несовершеннолетних закрепляются, как правило, в отдельных главах и статьях, посвященных этой категории участников уголовного судопроизводства (например, ст. 191, глава 50 УПК РФ).

К их числу относятся, например, право несовершеннолетних потерпевших на обязательное участие в уголовном деле их законных представителей или представителей.

Применительно к несовершеннолетнему подозреваемому и обвиняемому следует вспомнить его право на более щадящий режим допроса. Продолжительность допроса указанных лиц без перерыва не может превышать 2 часов, а в общей сложности — 4 часов в день (ч. 1 ст. 425 УПК РФ).

Необходимо иметь в виду, что при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних наряду с соблюдением уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации учитываются положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенции о правах ребенка (1989 г.), Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил, 1985 г.), Миланского плана действий и Руководящих принципов в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (1985 г.), Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядских руководящих принципов, 1990 г.) и других официальных документов, например, Рекомендации № Rec (2003) 20 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних [9. — П. 2].

6. Процессуальные возможности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства усиливаются обязательным участием защитника (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ), представителя (ч. 2 ст. 45 УПК РФ). Правда, в отличие от защитника участие представителя несовершеннолетнего потерпевшего является альтернативным. Закон требует обязательного участия в этом случае законного представителя или представителя.

О неравных возможностях участников уголовного судопроизводства, в частности подозреваемого, обвиняемого, с одной стороны, и потерпевшего, с другой стороны, в защите своих прав и законных интересов уже говорилось в литературе. В связи с этим предлагалось дополнить главу 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» статьей 45.1 «Обязательное участие представителя потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя» [10].

Однако и нормативная регламентация обязательного участия защитника несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не снимает

всех проблем в сфере надлежащей охраны интересов последних.

В связи с этим авторами предлагается ввести норму, указывающую на обязательную квалификацию адвоката несовершеннолетнего, а также определяющую опыт работы адвокатом не менее трех лет, рассматривая его как обязательное условие допуска к участию в уголовном деле в отношении несовершеннолетнего [11].

Думается, что данный тезис не вполне согласуется со следующими обстоятельствами. Во-первых, участие адвоката, специализирующегося на защите несовершеннолетних обвиняемых, не может гарантировать более высокой результативности защиты по сравнению с деятельностью адвокатов, успешно осуществляющих ее по другим категориям дел. Во-вторых, в рассматриваемом случае существенно ограничивается право обвиняемого выбирать защитника, так как его реализация обуславливается наличием определенного круга адвокатов.

7. Процессуальные возможности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства усиливаются не только обязательным участием защитника, представителя, но и участием законного представителя. В соответствии с п. 12 ст. 5 УПК РФ законные представители — это родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства. Примечательно, что в данном определении речь идет не обо всех несовершеннолетних участниках уголовного судопроизводства, а лишь о подозреваемом, обвиняемом и потерпевшем, хотя эта группа участников не исчерпывается указанными лицами, а включает в себя также несовершеннолетних гражданских истцов, гражданских ответчиков и свидетелей.

Полагаем, эта дифференциация не случайна. Она сказывается и на правовой регламентации участия законного представителя. В зависимости от того, о каком несовершеннолетнем участнике уголовного судопроизводства идет речь, по-разному решается вопрос об обязательном участии его законного представителя. Так, законные представители привлекаются к обязательному участию в уголовном деле для защиты прав и законных интересов потерпевших (ч. 2 ст. 45 УПК РФ), а также по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними (ст. ст. 48, 426 УПК РФ).

Применительно к свидетелю в законе содержится лишь указание на то, что при допросе несо-

вершеннолетнего свидетеля вправе присутствовать его законный представитель (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

Однако законодатель ничего не говорит об участии законного представителя на стороне остальных несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства (гражданского истца, гражданского ответчика). В то же время представляется допустимым сделать вывод об усилении процессуальных возможностей этих участников с помощью участия законного представителя, проанализировав, например, ч. 4 ст. 188 УПК РФ. Согласно этой норме лицо, не достигшее возраста шестнадцати лет, вызывается на допрос через его законных представителей.

Очевидно, что существующая дефиниция законного представителя нуждается в коррекции. Обусловлено это нарушением правила соразмерности, согласно которому объем определяемого понятия должен быть равен объему определяющего [12]. В нашем же случае определяющее понятие оказалось по своему объему уже определяемого. Ведь к законным представителям относятся родители, усыновители, опекуны или попечители не только несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, но и других несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, среди которых могут быть и лица, в отношении которых велось или ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. А значит, близкие родственники лиц, в отношении которых велось или ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, а также родители, усыновители, опекуны или попечители всех несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, представители учреждений или организаций, на попечении которых находятся несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства, органы опеки и попечительства должны быть полностью охвачены понятием «законный представитель».

8. Гарантированность процессуальных возможностей несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства участием педагога и психолога в определенных случаях. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 425 УПК РФ участие педагога или психолога признается обязательным в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет. Согласно ч. 1 ст. 191 УПК РФ допрос потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению следователя и допрос потерпевшего и свидетеля в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет проводятся с участием педагога.

Как видно, участие педагога и психолога обусловлено не только категорией несовершеннолет-

него участника уголовного судопроизводства, но и его возрастными особенностями.

Следует сказать, что поиск оптимальной модели участия педагога и психолога в уголовном судопроизводстве не завершен. В литературе на этот счет существуют разные точки зрения. Среди них — предложение внести изменение в ст. 425 УПК РФ в части замены педагога или психолога при производстве допроса несовершеннолетних педагогическим работником, а также дополнение в ст. 5 УПК РФ в виде дефиниции «педагогический работник» [13]. Это позволит устранить споры по поводу участия педагогов или психологов в указанных случаях.

Е.В. Марковичева считает необходимым дополнить главу 50 УПК РФ статьей 426.1 «Участие в производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетних специалиста в области педагогики, психологии и социальной работы», в которой определялся бы процессуальный статус такого специалиста [14].

Исследование процессуальных возможностей несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства позволяет выделить следующие основные черты, раскрывающие их смысл: 1) указанные возможности представляет собой субъективные права и свободы несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства; 2) они получили свое нормативное закрепление в УПК РФ; 3) они взяты под охрану государством, в частности уголовно-процессуальным правом, предусматривающим дополнительные процессуальные гарантии для указанной категории участников уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. — М., 1950. — С. 11.
2. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник. — М., 2001. — С. 297—298.
3. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. — Саратов, 1972. — С. 145.
4. Вкут М.А. Субъективные гражданские процессуальные права: понятие и виды // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Гражданское судопроизводство и арбитраж: межвуз. научный сборник. — Саратов, 1984. — С. 3—12.
5. Адаменко В.Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого. — Томск, 1983. — С. 135.
6. Теория государства и права / под ред. Н.Г. Александрова. — М., 1968. — С. 531.

7. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. — М.: Политиздат, 1988. — С. 231.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. — СПб.: Питер, 2003.

9. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. №1 // Российская газета. — 2011. — 11 февр.

10. Насонова И.А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: монография / под ред. О.А. Зайцева. — М.: Юрлитинформ, 2011. — С. 386.

11. Гасанова З.Г. Участие адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — С. 11.

12. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1987. — С. 43.

13. Колударова О.П. Производство по уголовным делам в отношении безнадзорных несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых (отдельные вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2011. — С. 6.

14. Марковичева Е.В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2011. — С. 6.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Насонова Ирина Александровна. Профессор кафедры уголовного процесса. Доктор юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: nasonova-amelina@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 247-67-07.

Nasonova Irina Aleksandrovna. Professor of the criminal process chair. Doctor of Law, the assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 247-67-07.

Ключевые слова: несовершеннолетние; право на защиту; участник уголовного судопроизводства; процессуальные возможности; защитник; законный представитель.

Key words: minors; the right to defense; party to criminal proceedings; the procedural opportunities; advocate; legal representative.

УДК 343.13

И.С. Федотов,
доктор юридических наук, доцент

СУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

JUDICIAL GRIEVANCE PROCEDURE IN CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS: RIGHT APPLICATION QUESTIONS

В статье изложено авторское суждение о некоторых спорных вопросах, имеющих место при разрешении судами жалоб, поданных в порядке статьи 125 УПК РФ.

In this article the author's judgment about some controversial questions which are taking place at permission by vessels of complaints, submitted as the article 125 Criminal Procedure Code Russian Federation is stated.

Закрепленное в ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту прав и свобод личности нашло свое отражение в нормах уголовно-процессуального законодательства и выразилось, прежде всего, в закреплении федеральным законодателем такого принципа уголовного судопроизводства, как право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ). Судебная практика свидетельствует о широком применении лицами, вовлеченными в сферу уголовно-процессуальных отношений, этого права. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывают, что количество жалоб, подаваемых в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, с каждым годом растет, при этом процент удовлетворенных жалоб, напротив, снижается (с учетом жалоб, возвращенных заявителю с разъяснением ему права повторного обращения в соответствующий районный суд после устранения недостатков, выявленных при подаче жалобы, а также случаев отказа заявителю в принятии к рассмотрению его жалобы). Постановление Пленума Верховного Суда РФ от

10 февраля 2009 года №1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1] в целом оказало положительное воздействие на качество данного вида судебной деятельности, однако не решило всех имеющихся проблем.

Приведенные обстоятельства, а также интерес ученых¹ к данной теме свидетельствуют о ее актуальности и необходимости дальнейшего совершенствования механизма реализации права на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Полагаю, что это, в свою очередь, будет способствовать оптимиза-

¹ Исследованию вопросов обжалования процессуальных действий (бездействия) и решений в досудебном производстве по уголовным делам были посвящены работы значительного числа ученых, среди которых В.А. Азаров, В.П. Божьев, А.Д. Бойков, Л.А. Воскобитова, К.Ф. Гуценко, С.П. Ефимичев, Н.Н. Ковтун, Н.А. Колоколов, П.А. Лупинская, И.Л. Петрухин, М.С. Строгович и др.

ции правоприменительной деятельности суда в принятии законных, обоснованных и мотивированных судебных решений по жалобам заявителя, чьи конституционные права и свободы нарушены процессуальными действиями (бездействием) и решениями либо они способны затруднить доступ заявителя к правосудию.

Важно отметить то, что помимо предложений, содержащихся в научных исследованиях, в настоящее время нарабатан определенный опыт и в судебной практике, а некоторые вопросы получили отложенное разрешение в нормах УПК РФ, в связи с правовой позицией Конституционного Суда РФ, например, изложенной в постановлении от 20 июля 2012 г. № 20-П, относительно конституционности положений ч.1 ст. 125 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ. К числу вопросов, требующих совершенствования, по мнению автора, относятся, увеличение срока рассмотрения жалоб; определение подсудности, при обжаловании процессуальных действий (бездействия) и решений прокурора, руководителя следственного органа, начальника органа дознания, следователя, дознавателя, органа дознания в связи с разным местом нахождения их подразделений (местом расположения) и местом производства предварительного расследования по конкретному уголовному делу или местом совершения предполагаемого преступления; надлежащее уведомление участников судебного заседания при нынешнем 5-суточном сроке рассмотрения поступившей жалобы и др. В данной статье рассматривается ряд вопросов, которые возникают в правоприменительной практике, но, естественно, они не исчерпываются только данными положениями.

1. Основное предназначение положений ст.125 УПК РФ заключается в регламентации судебного порядка рассмотрения жалоб. В соответствии с ч. 3 ст. 29 УПК РФ суд правомочен именно в ходе досудебного производства рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя в случаях и порядке, которые предусмотрены статьей 125 УПК РФ. То есть в соответствии с ч. 3 ст. 29 УПК РФ жалобы, предусмотренные статьей 125 УПК РФ, суд правомочен рассматривать лишь в ходе досудебного производства по уголовному делу, а не когда само уголовное дело уже находится в суде и подлежит слушанию по существу.

Так, полагаем правомерным отказать в принятии к рассмотрению жалобы судьей районного суда на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку проведенная процессуальная проверка в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ и принятое по ней обжалуемое решение мо-

жет рассматриваться только в рамках ходатайства стороны в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, которое на момент принятия решения по жалобе судьей районного суда рассматривается по существу судьей вышестоящего суда в отношении заявителя по жалобе. В связи с этим суду необходимо разъяснить заявителю по жалобе, что вопросы о признании незаконными или необоснованными решений и действий (бездействия) должностных лиц на стадии досудебного производства он вправе поставить перед судом в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, а также при рассмотрении дела судом кассационной инстанции. Также обращаем внимание на определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 576-О-П, в соответствии с которым положения ст. 125 УПК РФ — по их конституционно-правовому смыслу — обязывают суд обеспечить содержащемуся под стражей заявителю жалобы возможности путем непосредственного участия в заседании суда или путем использования систем видеоконференцсвязи ознакомиться со всеми материалами рассматриваемого судом дела и довести до сведения суда свою позицию, если принимаемое судом решение связано с применением к заявителю мер, сопряженных с его уголовным преследованием, ограничением его свободы и личной неприкосновенности.

2. УПК РФ в части 1 статьи 125 определил, что постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования.

Согласно пункту 6 постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.02.2009 г. №1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ», в тех случаях, когда место производства предварительного расследования не совпадает с местом совершения деяния, жалоба на решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, а также прокурора в порядке статьи 125 УПК РФ рассматривается тем районным судом, который территориально находится в месте производства предварительного расследования, определяемого в соответствии со статьей 152 УПК РФ. Частью 1 ст. 152 УПК РФ установлено общее правило определения

места производства предварительного следствия — «предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления».

Согласно пункту 7 постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.02.2009 г. №1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ», судьям рекомендовано в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию выяснять, подсудна ли жалоба данному суду, подана ли она надлежащим лицом, имеется ли предмет обжалования в соответствии со статьями 125 УПК РФ и т.п. При определении подсудности по жалобам, поданным в порядке статьи 125 УПК РФ, необходимо учитывать правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в постановлении от 20.07.2012 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 125 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ в связи с жалобой гражданки Р.Г. Мишиной».

Как следует из постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2012 г. №20-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 125 и части первой статьи 152 УПК РФ», неоднозначность подхода к определению территориальной подсудности жалоб на решения и действия (бездействие) должностных лиц межрайонных следственных отделов при производстве предварительного расследования, которая позволяет устанавливать подсудность конкретной жалобы, исходя из места производства предварительного расследования, понимаемого как место расположения осуществляющего его органа (которое, в свою очередь, зависит от обстоятельств организационного, материально-технического или иного подобного характера), создает предпосылки для нарушения конституционного принципа равенства при реализации права на доступ к правосудию и судебную защиту в отношении граждан, обжалующих решения и действия (бездействие) должностных лиц межрайонного следственного отдела, юрисдикция которого распространяется на территорию, где совершено преступление, но место расположения которого находится за пределами административно-района, где совершено преступление.

Кроме того, прямое увязывание подсудности жалоб на решения и действия (бездействие) осуществляющих производство предварительного расследования должностных лиц межрайонных следственных отделов с местом их расположения — тем более в условиях реформирования следственных органов, когда в поисках оптимальных форм их организации создаются одни и упраздняются другие следственные отделы, что влечет

изменение их местоположения и сферы территориальной компетенции, — создает нормативные предпосылки для умаления прерогатив законодательной власти по определению подсудности рассмотрения дел и прерогатив власти судебной по осуществлению правосудия, реализации ею функции судебной защиты и тем самым — для нарушения требования статьи 10 Конституции РФ о самостоятельности органов каждой из ветвей государственной власти в реализации своих функций и полномочий.

Впредь до внесения в УПК РФ необходимых изменений — в целях реализации права на судебную защиту, включая право на законный суд, а также учитывая правовую позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в постановлении от 6 апреля 2006 года № 3-П, в силу которой под местом совершения преступления по смыслу статей 31 «Подсудность уголовных дел» и 32 «Территориальная подсудность уголовного дела» УПК РФ понимается часть территории РФ, на которую распространяется юрисдикция суда соответствующего уровня, — рассмотрение дел по жалобам на решения и действия (бездействие) должностных лиц межрайонных следственных отделов при производстве предварительного расследования по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, должно осуществляться — безотносительно к месту расположения указанных следственных органов — тем районным судом, юрисдикция которого распространяется на место совершения деяния, содержащего признаки преступления.

3. В соответствии с пунктом 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. №1 (в ред. от 09.02.2012) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» рассмотрение жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ происходит в форме осуществления правосудия по правилам состязательного судопроизводства в открытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных статьей 241 УПК РФ.

При проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. В частности, судья не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния.

Исходя из того, что помимо дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора рассматривать сообщения о преступлении, принимать решения об отказе в приеме сообщения о преступлении, о возбуждении и

об отказе в возбуждении уголовного дела уполномочены и другие должностные лица и органы, например начальник подразделения дознания (часть 2 статьи 40.1 УПК РФ) и органы дознания (часть 1 статьи 144, часть 1 статьи 145, часть 1 статьи 146, часть 1 статьи 148 УПК РФ), заявитель вправе обжаловать и их действия.

Вместе с тем не подлежат обжалованию в порядке статьи 125 УПК РФ решения и действия (бездействия) должностных лиц, полномочия которых не связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу (например, прокурора, поддерживающего государственное обвинение в суде, начальника следственного изолятора). Не подлежат рассмотрению судом жалобы на решения и действия (бездействия) должностных лиц органов прокуратуры, связанные с рассмотрением надзорных жалоб на вступившие в законную силу судебные решения. Следуя толкованию положений статьи 125 УПК РФ Пленумом Верховного Суда РФ, можно утверждать, что не подлежат рассмотрению судом и жалобы на заключения эксперта или специалиста, так как ни эксперт, ни специалист не связаны в своих полномочиях с осуществлением уголовного преследования.

4. Необходимо учитывать, что жалоба на основании статьи 125 УПК РФ может быть подана в суд и одновременно, на основании статьи 124 УПК РФ, — прокурору или руководителю следственного органа, в связи с этим судьям необходимо выяснять, не воспользовался ли заявитель правом, предусмотренным статьей 124 УПК РФ, и не имеется ли решения об удовлетворении такой жалобы.

Как показывает судебная практика, по одному и тому же уголовному делу и на одно и то же процессуальное действие или решение, проведенное или принятое разными субъектами или в разные периоды времени (например, на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела), могут неоднократно подаваться жалобы, подлежащие рассмотрению в соответствии со статьей 125 УПК РФ, и таких жалоб достаточно много. В свою очередь, в соответствии с рекомендациями, данными постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1, если судья установит, что жалоба с теми же доводами уже удовлетворена прокурором либо руководителем следственного органа, то в связи с отсутствием основания для проверки законности и обоснованности действий (бездействия) или решений должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, он выносит постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению, копия которого направляется заявителю, а если указанные обстоятельства установ-

лены в судебном заседании, то производство по жалобе подлежит прекращению. Но как быть, когда по жалобе, поданной в порядке статьи 125 УПК РФ, по одному и тому же уголовному делу и на одно и то же процессуальное действие или решение прокурором либо руководителем следственного органа неоднократно удовлетворяется жалоба с теми же доводами? Тем самым процессуальный порядок, например, возбуждения уголовного дела, может затянуться на годы.

По отдельным вопросам, возникающим в судебной практике, при проверке законности, обоснованности и мотивированности решений прокурора, судам необходимо обратить внимание на определения Конституционного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 300-О и от 25.03.2004 г. №157-О.

В соответствии с определением Конституционного Суда РФ от 27.12.2002 г. №300-О, прокурор, осуществляя надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, в пределах своей компетенции отменяет незаконные и необоснованные постановления следователей. Прокурор вправе отменять и постановления о прекращении уголовного дела, возобновляя при этом производство по делу. Сама по себе возможность отмены незаконного и необоснованного постановления о прекращении уголовного дела и возобновления производства по делу вытекает из конституционных предписаний, обязывающих органы государственной власти, должностных лиц и граждан соблюдать Конституцию РФ и законы (статья 15, часть 2), гарантирующих государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1) и возлагающих на государство обязанность обеспечивать потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52).

Из приведенных конституционных положений в их системном единстве следует, в частности, что при решении вопросов, связанных с возобновлением прекращенных уголовных дел, надлежит исходить из необходимости обеспечения и защиты как интересов правосудия, прав и свобод потерпевших от преступлений, так и прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и считающихся невиновными до тех пор, пока их виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1, Конституции РФ), и недопустимости сохранения для лица, в отношении которого дело было прекращено, постоянной угрозы уголовного преследования, а значит, и ограничения его прав и свобод. Это предполагает и недопустимость многократного возобновления по одному и тому же основанию (в

частности, по причине неполноты проведенного расследования) прекращенного уголовного дела.

В следственной практике нередко встречаются случаи, когда уголовное дело было возбуждено не в отношении конкретного лица, а по факту совершенного преступления, несмотря на то, что в описательно-мотивировочной части постановления о возбуждении уголовного дела четко указывается, что в действиях, например, руководства конкретного предприятия имеются признаки преступления, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ. В связи с этим обстоятельством представители прокуратуры и следователи не считают, что в отношении руководства конкретного предприятия имеется угроза уголовного преследования.

Автор данной статьи полагает, что такая прокурорская и следственная практика должна быть признана негативной. При этом следует учитывать, что, согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г., факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться не только актом возбуждения в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий, но и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрения против него. Это означает, что уголовное преследование может осуществляться и до появления в деле процессуальной фигуры подозреваемого или обвиняемого, когда установлено лицо, причастное к совершенному преступлению, и имеются сведения о наличии подозрения против него.

5. В соответствии с пунктом 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. №1 (в ред. от 09.02.2012) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» лица, участвующие в судебном заседании, вправе знакомиться с материалами производства по жалобе, а также представлять в суд дополнительные материалы, имеющие отношение к жалобе. При этом судам следует иметь в виду, что разглашение данных, содержащихся в материалах

уголовного дела, допускается только в том случае, когда это не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Необходимо обратить внимание и на то, что представленные в суд материалы проверки сообщения о преступлении могут содержать оперативно-розыскную информацию, имеющую конфиденциальный характер и затрагивающую частные интересы других лиц, но не заявителя жалобы. В связи с данным обстоятельством материалы проверки сообщения о преступлении не могут быть переданы на ознакомление заявителю жалобы, а тем более его представителям. Передача материалов, содержащих оперативно-розыскную информацию, имеющую конфиденциальный характер и затрагивающую частные интересы других лиц, но не заявителя жалобы, является незаконным действием и нарушает требования п. 36.1 ст.5 УПК РФ и ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 г. №144-ФЗ (ред. от 08.12.2011) «Об оперативно-розыскной деятельности».

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что при разрешении судами жалоб, поданных в порядке статьи 125 УПК РФ, возникают спорные вопросы, требующие разъяснения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. №1 (в ред. от 09.02.2012) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» позволило обеспечить единообразное применение закона, однако в судебной практике все еще остаются неразрешенными некоторые вопросы, по части из которых в данной статье высказано авторское суждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 года № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Федотов Игорь Славович. Судья Ленинского районного суда г. Воронежа, профессор кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России. Доктор юридических наук, доцент. Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Fedotov Igor Slavovich. Doctor of law, assistant professor. The judge of Lenin district court of Voronezh, the professor of chair of criminal trial of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia. Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospekt Patriotov, 53.

Ключевые слова: жалоба; судебный порядок; жалоба в уголовном судопроизводстве.

Key words: the complaint; a judicial order; the complaint in criminal legal proceedings.

УДК 343.13

С.Н. Махина,
доктор юридических наук, профессор,
Воронежский государственный
университет

ДЕЛИКТНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

TORTIOUS OF MINORS: ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION AND WAYS OF IMPROVEMENT OF LEGISLATION

В статье исследуются некоторые актуальные вопросы деликтности несовершеннолетних и ювенальной юстиции; рассматривается зарубежный опыт организации структуры уполномоченных в данной сфере органов и деятельности их должностных лиц; анализируются проблемные аспекты отечественного законодательства и правоприменительной практики; формулируются предложения по дальнейшему совершенствованию административно-правового регулирования в области деликтов несовершеннолетних.

This article explores some of the current issues of the tortious of minors and juvenile justice; considers the international experience of organizing the structure of authorities and their officials in this field of activity; analyzes the problematic aspects of the domestic legislation and its practice; forms suggestions on further improvements of the administrative and legal regulation of the tortious of minors.

Вопросы участия несовершеннолетних в деликтных отношениях являются предметом практически всех отраслей российского права. Такой подход к решению вопросов наказуемости данного специального субъекта юридической ответственности обоснован, поскольку психологическая и физиологическая незрелость, а также недостаточное понимание и знание социальных (в том числе и правовых) установлений делают несовершеннолетнего наиболее уязвимым и незащищенным.

Значимость ювенальной проблематики отражается и в стремлении к международно-правовому регулированию важнейших параметров, формированию универсальных для всех современных государств принципов работы с несовершеннолетними правонарушителями. Именно в этих целях в Конвенции ООН о правах ребенка [1]

и в Минимальных стандартных правилах ООН (Пекинских правилах) [2] даны общие родовые понятия категорий «ребенок», «несовершеннолетний» и «несовершеннолетний правонарушитель». Несмотря на то, что данные акты не содержат самостоятельного регулирования административной ответственности несовершеннолетнего, можно выделить ряд принципиальных положений, являющихся базовыми и для рассматриваемого вида юридической ответственности.

В соответствии с международными документами несовершеннолетним является ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому. Под несовершен-

нолетним правонарушителем понимается ребенок или молодой человек, который подозревается в совершении правонарушения или, как установлено, совершил его [3].

Следует отметить, что особое отношение к несовершеннолетнему ответчику является правовой традицией и в российской юриспруденции насчитывает более четырех веков. Согласно данным дореволюционного исследователя Г.Б. Слиозберга, первая норма об уголовной ответственности несовершеннолетних в России, появившаяся в 1669 г. в качестве дополнения Соборного Уложения 1649 г., гласила: «...аще отрок седми лет убиет, то неповинен есть смерти» [4]. То есть несовершеннолетний семилетнего возраста освобождался от наказания за убийство. Однако уже к концу XVII века ст. 195 Артикула воинского, введенного Петром I, предусматривала ответственность «младенцев» за учиненное воровство. Впервые же точный возраст, с которого наступала уголовная ответственность детей, был установлен при Екатерине II в 1765 г. — уголовная ответственность наступала с десяти лет для детей всех сословий.

Вопросам административной ответственности такое же четкое поэтапное развитие как ответственности уголовной или гражданско-правовой свойственно не было, что имеет общую объективную причину — институт административной ответственности в качестве самостоятельного сформировался относительно недавно, получив кодифицированное оформление уже в XX столетии. Однако сложившееся положение отнюдь не свидетельствует о некачественном или «скудном» развитии, а скорее, наоборот, позволяет административистам опираться на многие положения, отработанные уголовным и гражданско-правовым законодательством. Вместе с тем идеализировать современную административно-правовую концепцию ответственности несовершеннолетних было бы существенной ошибкой — практика реализации положений нового КоАП РФ от 30 декабря 2001 г. выявляет множественные пробелы правового регулирования, несоответствия и коллизии с нормами иных правовых актов и общим развитием государственно-социальной и юридической доктрины. Требуют своего дальнейшего развития и осмысления и многие новеллы, привнесенные в течение последних пяти лет.

Конституция РФ предоставляет гражданам России право самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет (ст. 60), не нарушая при этом права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17). Однако в правовой системе РФ такой элемент правоспособности граждан, как *деликтоспособность* (способность нести ответственность за содеянное), связывается с наступлением более раннего возраста. Так, например, УК РФ

устанавливает, что по общему правилу к уголовной ответственности привлекаются лица, достигшие 16-летнего возраста (ст. 20); ГК РФ определяет, что за причиненный вред в гражданских правоотношениях несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет несут имущественную ответственность (ч. 3 ст. 26); ТК РФ допускает заключение трудового договора по общему правилу с лицами, достигшими 16 лет (ст. 63).

Не являются исключением и нормы об административной ответственности несовершеннолетних, поскольку в статье 2.3 КоАП РФ определено, что административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет. То есть законодатель считает лицо, достигшее 16 лет, обязанным и способным осознавать социальный смысл своего поведения, признавать и уважать права и свободы других лиц, правильно оценивать свои действия и отвечать за них, предвидеть последствия возможных нарушений.

Вместе с тем административная ответственность несовершеннолетних граждан от 16 до 18 лет обладает множественными собственными специфическими характеристиками, которые требуют не только своего дальнейшего усовершенствования, но и существенного дополнения. Так, в качестве устоявшихся институциональных особенностей административной ответственности несовершеннолетних можно определить следующие:

1) за правонарушения, совершенные лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, наказание могут нести их представители. Например, ст. 20.22 КоАП РФ устанавливает, что *появление в состоянии опьянения несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет, а равно распитие ими пива и напитков, изготавливаемых на его основе, алкогольной и спиртосодержащей продукции, потребление ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, иных одурманивающих веществ на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах влечет наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних;*

2) применительно к несовершеннолетним от 16 до 18 лет КоАП РФ предусматривает ряд исключений при назначении административных наказаний. Например, в ст. 3.9 определено, что *административный арест устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений и не может применяться к лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет;*

3) в отношении административной ответственности несовершеннолетних положения ст.

1.3 КоАП РФ получают свое выражение в ряде правовых актов РФ, в частности в ФЗ РФ от 24 июля 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» с изм. и доп. [5], предусматривающем формирование базовых органов административной юрисдикции для несовершеннолетних правонарушителей — *комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав*. Положения ст. 1.3.1 КоАП РФ в отношении несовершеннолетних правонарушителей реализуются посредством принятия многочисленных нормативных актов на региональном уровне практически во всех субъектах РФ. В качестве примеров можно привести:

- закон г. Москвы от 13 апреля 2005 г. №12 «Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» с изм. и доп. [6];

- закон Воронежской области от 4 октября 2005 г. №62-ОЗ «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Воронежской области» [7];

4) применять меры административной ответственности к несовершеннолетним преимущественно вправе лишь комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Исключением являются:

- дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 11.18 (безбилетный проезд), а также об административных правонарушениях в области дорожного движения (комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав рассматривают эту группу деликтов только в том случае, если орган или должностное лицо, к которым поступило дело, передают его в комиссию);

- дела, по которым предусмотрены виды наказания, отнесенные к исключительной компетенции судей. В этом случае дело об административном правонарушении, предусмотренном статьей, указанной в ч. 2 ст. 23.1 КоАП РФ, и совершенное несовершеннолетним, может быть передано комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав на рассмотрение судьи (п. 1 ч. 2 ст. 29.9 КоАП РФ);

5) поскольку основной массив дел об административных правонарушениях с участием несовершеннолетних отнесен к подведомственности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, то в соответствии с положениями КоАП РФ (глава 3) к несовершеннолетним, как правило, применяются такие меры административного наказания, как *предупреждение* и *административный штраф* (об исключениях, реализуемых в судебном порядке, говорится выше);

6) применительно к несовершеннолетним от 16 до 18 лет процессуальный порядок привлечения к административной ответственности в подавляющем большинстве случаев является внесудебным, т.к. осуществляется органами специальной юрисдикции — комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Кроме вышеназванных, достаточно четко нормативно определенных особенностей, при привлечении к административной ответственности граждан, не достигших 18-летнего возраста, законодательством установлено, что:

- несовершеннолетний возраст является обстоятельством, смягчающим административную ответственность (ст. 4.2 КоАП РФ);

- с учетом конкретных обстоятельств дела и данных о лице, совершившем административное правонарушение в возрасте от 16 до 18 лет, органом специальной юрисдикции — комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также судом или уполномоченным должностным лицом и органом это лицо может быть освобождено от административной ответственности с применением к нему меры воздействия, предусмотренной федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних;

- административная ответственность несовершеннолетних в большей степени, чем административная ответственность полностью дееспособных нарушителей, преследует цель воспитания нарушителя посредством убеждения и порицания, т.е. посредством использования морально-нравственных мер воздействия. Именно поэтому к несовершеннолетним правонарушителям сугубо репрессивные средства административного воздействия применяются достаточно редко, в виде исключения. А, например, такая мера наказания, как административный арест, к несовершеннолетним, не достигшим 18 лет, не применяется вообще.

Важно, что при определении административного наказания, назначаемого несовершеннолетнему, должны учитываться его возрастные, психические и индивидуальные особенности, поскольку здесь необходимо не только реализовать общеправовые принципы, но и обеспечить с помощью административного наказания и надлежащего процесса его исполнения формирование у подростка стойкого неприятия антиобщественных, аморальных тенденций и отрицания противоправного поведения.

Однако многие из элементов института административной ответственности несовершеннолетних в отечественном праве, как отмечалось выше, все еще не получили должного развития. Так, например, требует существенной дальнейшей доработки разноуровневое (федеральное и субъектов РФ) законодательство о комиссиях по делам

несовершеннолетних и защите их прав, поскольку наблюдается несогласованность (а иногда и противоречивость) норм таких базовых актов, как КоАП РФ, ФЗ РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», все еще действующего Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» [8] и множественного регионального законодательства, например Закона Воронежской области от 4 октября 2005 г. «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Воронежской области».

Очевидно, что единственный, существующий весьма формально, федеральный специальный нормативный акт (названное выше Положение от 1967 года) заставляет органы государственной власти субъектов Российской Федерации искать самостоятельное решение указанных вопросов. Более того, региональное регулирование осложняется и правовой неопределенностью соответствующих правоустановлений в КоАП РФ, где рассматриваемые комиссии названы только в числе органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях (п. 2 ч. 1 ст. 22.1). Наряду с этим в п. 4 ч. 2 ст. 22.1 КоАП РФ субъектам Российской Федерации делегировано право самостоятельно решать вопрос о необходимости создания административных комиссий для рассмотрения дел об административных правонарушениях, за совершение которых административная ответственность установлена законами субъектов Российской Федерации. Эти обстоятельства убеждают, что комиссии по делам несовершеннолетних должны создаваться и функционировать только на основе рамочного федерального акта.

Как справедливо отмечают М.Я. Масленников и А.С. Дугенец, в связи с отсутствием единого федерального акта наблюдается различный подход к правовому обеспечению создания и организации работы комиссий, а нонсенсом является не столько отсутствие федерального закона о комиссиях, сколько действие Положения от 3 июня 1967 г. не только устаревшего, но и фактически утраченного законную силу в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2001 г. «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [9]. В качестве аргументов для скорейшего принятия федерального акта называются и острая необходимость в более эффективной защите прав несовершеннолетних, и упорядочение деятельности самих комиссий, а также повышение их роли как ведущих органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, координирующих и

контролирующих деятельность всех остальных органов и учреждений этой системы.

Следует отметить, что с содержательной точки зрения предлагаемый федеральный закон о комиссиях должен обеспечивать не только защиту, но и охрану прав несовершеннолетних и их родителей также и в процессе рассмотрения комиссиями материалов об административных правонарушениях несовершеннолетних и применения к ним мер воздействия.

Нужно сказать, что функционирование комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав как специального обособленного правового института не является сугубо российской новеллой, поскольку в мировой практике существуют в большей или меньшей степени тождественные аналоги. Например, такой «несудебный» вариант организации системы органов защиты прав несовершеннолетних сложился в Шотландии, где попытки создать специализированный суд по делам несовершеннолетних успеха не имели. Данная система там носит административный характер: специальные комиссии проводят «слушания по делам детей» (Children's Hearing) в составе Коллегии, сформированной из представителей общественности, прошедших специальную подготовку. Решение о мерах воздействия, которое может быть обжаловано в суд, выносится только после детального рассмотрения дела, обсуждения соответствующих вопросов с родителями, социальными работниками, учителями и самим ребенком. То есть зарубежная практика свидетельствует о том, что комиссии по делам несовершеннолетних могут достаточно эффективно функционировать в данной сфере, и сохранение при условии существенной модификации этой формы в России может иметь реальные преимущества перед судебным способом разрешения деликтных дел с участием несовершеннолетних. Кроме того, описанная шотландская комиссияная система признана специалистами Международного центра развития ребенка ЮНИСЕФ прогрессивной, поскольку позволяет избежать «не нужных» контактов ребенка или подростка с судебной системой. Как считают специалисты, такое разбирательство дел о правонарушениях несовершеннолетних соответствует духу и букве Конвенции о правах ребенка [10].

Несмотря на то, что, по утверждению исследователей зарубежных правовых систем, большинство стран мира с различными судебными системами имеют специализированные суды, действующие в рамках ювенальной юстиции [11], нам представляется, что функционирующие в РФ Комиссии при условии их соответствующего реформирования смогут рассматриваться как достаточно удачный альтернативный вариант. Вместе с тем нельзя не учитывать и те позитив-

ные аспекты, которые присущи судебному разрешению деликтных отношений при участии несовершеннолетних. Так, например, в Японии в 1947—1948 гг. были созданы семейные суды в целях разрешения таких вопросов, как:

- преступления и правонарушения несовершеннолетних;
- преступления взрослых, наносящие ущерб несовершеннолетним;
- весь комплекс вопросов семейного права, связанных с защитой прав и интересов несовершеннолетних, в их числе надзор и попечение за несовершеннолетними;
- обучение и поведение подростков-школьников;
- оздоровление семейной обстановки и ряд других [12].

Поскольку в семейном суде дело рассматривается по так называемым правилам «социального исследования», то при семейных судах существует специальная сеть вспомогательных служб и лиц, осуществляющих эту деятельность. Например, пункт медико-психиатрической консультации, прикрепленные к нему социальные работники. Их статус соответствует статусу агентов службы пробации в английской и американской системе правосудия.

Что касается действующих семейных судов в других странах, то можно назвать «двуединую» систему США, где существуют суды по делам несовершеннолетних и семейные суды, и семейные суды во Франции, существующие как экспериментальные (возникли в 1970—1972 гг.), которые в своей деятельности также используют множество вспомогательных служб, аналогичных названным японским [13].

Такая практика весьма позитивна, и представляется, что Россия могла бы «заимствовать» некоторые из названных институтов, которые бы действовали при комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав или органах опеки и попечительства.

В свете вышесказанного нужно отметить, что в РФ требует дальнейшего развития и пока еще недостаточно согласовано с деятельностью комиссий по делам несовершеннолетних и функциональное назначение таких субъектов права ОВД (полиции), как:

- должностные лица центров временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей;
- сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних [14].

Представляется, что эффективная организация деятельности названных лиц может в значительной степени способствовать снижению степени девиантного поведения несовершеннолетних.

В настоящее время сложилась во многом традиционная для нашего государства ситуация

— нормы права предполагают несоизмеримо большую эффективность, нежели показывает практика их непосредственной реализации. Так, в компетенцию должностных лиц центров временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей включается право осуществлять надзор за содержащимися в этих учреждениях подростками, лично досматривая их, а также их вещи, поступающие посылки, передачи; предусмотрена возможность осмотра помещения, где проживают или проводят досуг подростки. Данная категория сотрудников обязана устанавливать родителей несовершеннолетних и лиц, их заменяющих; представителей администрации детских учреждений, учебных заведений, специальных учебно-воспитательных учреждений, которые самовольно покинули несовершеннолетние, вызывать их в центры временной изоляции и решать вопрос о передаче им подростков. Если указанные граждане не прибывают за несовершеннолетними, то последние доставляются по месту жительства или учебы сотрудниками милиции. Персонал учреждений для несовершеннолетних вправе получать в организациях, учебных заведениях информацию, необходимую для проведения работы по установлению личности безнадзорных подростков, направления их в лечебные и учебно-воспитательные учреждения.

Существенны и полномочия сотрудников подразделений ОВД по делам несовершеннолетних, несмотря на то, что специфика их правового статуса обусловлена выполнением ими профилактической функции. Для проведения индивидуальной профилактики данным субъектам предоставляется право посещать несовершеннолетних правонарушителей по месту жительства, учебы, работы, вызывать их в милицию для проведения бесед, выяснения обстоятельств, связанных с правонарушениями. Аналогичные меры могут осуществляться и в отношении родителей несовершеннолетних правонарушителей или лиц, их заменяющих. Сотрудники этой службы вправе вынести официальное предостережение несовершеннолетним правонарушителям, их родителям, лицам, их заменяющим, о недопустимости антиобщественного поведения, а к последним, т.е. взрослым, несущим ответственность за подростков, — о недопустимости поведения, стимулирующего правонарушения несовершеннолетних.

Поскольку должностные лица этих подразделений самостоятельно либо совместно с работниками других служб проводят рейды или участвуют в операциях по отработке мест концентрации антиобщественных элементов, они вправе доставлять в орган внутренних дел на срок не более трех часов несовершеннолетних правонарушителей, подвергать их личному до-

смотру с составлением об этом протокола, решать вопрос о привлечении как самих подростков, так и их родителей к ответственности, а также обращаться в суд с заявлениями об ограничении дееспособности родителей, о лишении их родительских прав, об отобрании детей у родителей без лишения родительских прав, а также о выселении без предоставления другого жилого помещения лиц, лишенных родительских прав, если их совместное проживание с детьми, в отношении которых они лишены этих прав, невозможно.

Отдельно нужно сказать и о предусмотренной в правовых нормах возможности практической реализации элементов административной деликтологии — определенные полномочия направлены на реализацию обще-профилактической функции, связанной с информированием соответствующих должностных лиц о криминогенных факторах, стимулирующих противоправное поведение несовершеннолетних, о представителях административных учреждений и организаций, расположенных на территории обслуживаемого участка, нарушающих требования законодательства о предупреждении безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Причем, как отмечают исследователи зарубежного опыта, данное направление в современных условиях является приоритетным в деятельности полиции многих иностранных государств в форме ранней профилактики среди учащихся школ, организации досуга несовершеннолетних и т.п.

Однако, говоря о проблеме несовершеннолетних в деликтных отношениях, нужно отметить, что нередко сам несовершеннолетний не является непосредственным правонарушителем — он участвует в противоправном деянии как бы опосредованно, при попустительстве или противоправном деянии иных (совершеннолетних) субъектов. То есть еще одна особенность административной ответственности несовершеннолетних заключается в том, что в значительном числе случаев к административной ответственности привлекаются не сами несовершеннолетние правонарушители (например, при недостижении ими возраста 16 лет, или в случае отсутствия у них собственного источника дохода), а их родители (опекуны, попечители). Именно поэтому вопросы административной ответственности несовершеннолетних и родителей должны рассматриваться взаимосвязанно. Практика показывает, что необходимо существенное изменение (развитие) норм федерального законодательства. Причем помимо расширения круга вопросов, подлежащих регулированию, федеральное законодательство в рассматриваемой области необходимо ужесточить. В

частности, неоднократно поднимался вопрос о том, что применяемое в статьях 5.35 и 20.22 КоАП РФ понятие «родители или иные законные представители несовершеннолетних» не охватывает весь возможный круг специальных субъектов административной ответственности по данным составам. Например, исходя из буквального толкования нормы, получается, что лица, которые осуществляют воспитание детей по договору, к административной ответственности по означенным составам не привлекаются. Такое положение образует коллизию с п. 3 ст. 1073 ГК РФ, называющим этих лиц субъектами гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними. То есть в качестве субъектов ответственности по таким составам нужно определить родителей, иных законных представителей, а также лиц, на которых договором возложены обязанности по надзору за несовершеннолетним.

Здесь же следует отметить необъяснимую непоследовательность КоАП РФ в данном вопросе, поскольку ст. 6.10 «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление пива и напитков, изготавливаемых на его основе, спиртных напитков или одурманивающих веществ» сформулирована более качественно, поскольку наряду с родителями или иными законными представителями несовершеннолетних определяет и *лиц, на которых возложены обязанности по обучению и воспитанию несовершеннолетних*. Возникает вопрос — почему в ст.ст. 5.35 и 20.22 КоАП РФ не предусматривается ответственность лиц, на которых возложены обязанности по обучению и воспитанию несовершеннолетних? Разве они не должны привлекаться к ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст. 5.35) или за появление в состоянии опьянения несовершеннолетних, а равно распитие ими пива и напитков, изготавливаемых на его основе, алкогольной и спиртосодержащей продукции, потребление ими наркотических средств или психотропных веществ в общественных местах (ст. 20.22)?

Кроме того, действующие редакции названных статей КоАП РФ предусматривают ничтожно малые санкции, применяемые к родителям и заменяющим их лицам, иногда просто несоизмеримые по объему причиняемого их действиями вреда. Так, по ст. 5.35 КоАП РФ размер штрафа составляет от 100 до 500 рублей.

Таким образом, обобщая изложенное, сделаем несколько неоригинальный применительно к состоянию современной правовой системы РФ (в том числе и к рассматриваемой сфере) вывод — правовое регулирование деликтных отношений с участием несовершеннолет-

них нуждается в качественном переосмыслении и реформировании, основанных как на анализе отечественной практики, так и на разумном, дозированном заимствовании наиболее эффективных и вписывающихся в отечественную модель форм работы с несовершеннолетними нарушителями и связанными с ними лицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция ООН о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.; вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. — М., 1993.

2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».

3. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. // Сборник международных документов. — М., 2000.

4. Слизберг Г.Б. Возраст в уголовном праве // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — М., 1991. — Т. 12. — С. 907—912.

5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июля 1999 г. №120-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 26. — Ст. 3177; 2001. — № 3. — Ст. 216; 2003. — № 28. — Ст. 2880; 2004. — № 27. — Ст. 2711; № 35. — Ст. 3607; 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 25; № 17. — Ст. 1485; 2006. — № 2. — Ст. 174; 2007. — № 27. — Ст. 3215; № 30. — Ст. 3808; № 31. — Ст. 4011; № 49. — Ст. 6070; 2008. — № 30 (ч. 2). — Ст. 3616; 2009. —

№ 42. — Ст. 4861; 2011. — № 1. — Ст. 39; № 7. — Ст. 901; № 49 (ч. 5). — Ст. 7056.

6. Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав: закон г. Москвы от 13 апреля 2005 г. №12 (с изм. и доп.) // Ведомости Московской городской Думы. — 2005. — № 5. — Ст. 67; 2008. — № 8. — Ст. 128; 2009. — № 10. — Ст. 266.

7. О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Воронежской области: закон Воронежской области от 4 октября 2005 г. № 62-ОЗ (с изм. и доп.) // Коммуна. — 2005. — 22 октября; 2006. — 2 марта.

8. Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних (с изм. и доп.): Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 г. // Свод законов РСФСР. — Т. 8. — С. 314; Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 12. — Ст. 429.

9. Дугенец А.С., Масленников М.Я. Правовые основы создания и функционирования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Административное право и процесс. — 2006. — № 3. — С. 12—21.

10. Ведерникова О. Ювенальная юстиция: опыт и перспективы // Российская юстиция. — 2000. — № 7. — С. 3—12.

11. Козлов С.С., Пермяков А.Г. Функционирование и административно-правовая организация ювенальной юстиции в судебных системах зарубежных стран // Международное публичное и частное право. — 2006. — № 2. — С. 45.

12. Забродска Г. Семейные суды в Японии / Г. Забродска. — М., 1965. — 145 с.

13. Уолкер Р. Английская судебная система. — М., 1980. — 246 с.

14. Об утверждении Инструкции по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: приказ МВД РФ от 26 мая 2000 г. №569 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Махина Светлана Николаевна. Профессор кафедры публичного и частного права Российского государственного социального университета (г. Воронеж); профессор кафедры административного и муниципального права Воронежского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор.

Воронежский государственный университет.

Россия, 394000, г. Воронеж, пл. Ленина, 10а.

Makhina Svetlana Nicolaevna. Professor of the Department of the Public and Private Law of the Russian State Social University (Voronezh); Professor of the Department of Administrative and Municipal Law Voronezh State University. Doctor of Law, Professor.

Voronezh State University.

Work address: Russia, 394000, Voronezh, Lenin Sq., 10a.

Ключевые слова: деликтность; административное правонарушение; ювенальная юстиция; несовершеннолетний; административная ответственность.

Key words: tortuous; administrative offense; juvenile justice; minor; administrative responsibility.

УДК 343.13

И.В. Овсянников,
доктор юридических наук, доцент

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ АКТОВ РЕВИЗИЙ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПРОВЕРОК

EVIDENTIARY VALUE ACTS OF AUDITS AND DOCUMENTARY VERIFICATIONS

Анализируется правовой институт требования властными участниками уголовного процесса производства документальных проверок, ревизий при проверке сообщения о преступлении. Исследуется проблемный вопрос о доказательственном значении акта документальной проверки, ревизии.

The requirement legal institution is analyzed by imperious participants of criminal trial of manufacture of documentary verifications, audits at check of the message on a crime. The problem question on evidentiary value of the act of documentary verification, audit is investigated.

Федеральным законом от 17 декабря 1995 г. №200-ФЗ содержащийся в ч. 2 ст. 69 ранее действовавшего УПК РСФСР 1960 г. перечень был дополнен новым самостоятельным видом доказательств — актами ревизий и документальных проверок. В ст.70 УПК РСФСР 1960 г. было закреплено и право лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда по находящимся в их производстве делам требовать производства ревизий и документальных проверок. При этом в уголовно-процессуальном законе не были регламентированы ни процессуальная форма (порядок) требования производства документальных проверок и ревизий, ни порядок самого производства, ни порядок передачи и получения властными участниками уголов-

ного судопроизводства результатов документальных проверок, ревизий.

УПК РФ 2001 г. в первоначальной редакции не содержал каких-либо упоминаний о производстве документальных проверок или ревизий. Таким образом, российский законодатель исключил требование производства ревизий и документальных проверок из числа допустимых способов собирания доказательств.

Однако Федеральным законом от 4 июля 2003 г. №92-ФЗ часть 1 ст.144 УПК РФ была дополнена новым предложением: «При проверке сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов». Одновре-

менно тем же законом была дополнена часть 3 ст.144 УПК РФ, которая приобрела следующее содержание: «Прокурор, начальник следственного отдела, начальник органа дознания вправе по ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок, предусмотренный частью первой настоящей статьи, а при необходимости проведения документальных проверок или ревизий прокурор вправе по ходатайству следователя или дознавателя продлить этот срок до 30 суток».

Федеральным законом от 9 марта 2010 г. №19-ФЗ часть 1 ст. 144 УПК РФ изложена в следующей редакции: «Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов».

При этом часть 3 ст.144 УПК РФ также была изменена: «Руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок, установленный частью первой настоящей статьи. При необходимости производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления».

Таким образом, в настоящее время можно говорить о праве дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа при проверке сообщения о преступлении требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях специалистов.

На практике документальные проверки и ревизии востребованы в основном при производстве по делам о некоторых преступлениях экономической направленности.

Однако если под результатами производства документальных проверок, ревизий подразумевать какие-либо сведения, то в условиях отсутствия процессуальной формы требования, появления и получения этих сведений вызывает сомнение и возможность признания актов документальных проверок, ревизий допустимыми доказатель-

ствами [1. — С. 37]. Дело в том, что согласно ч.1 ст. 86 УПК РФ собрание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. Признать же производство документальных проверок, ревизий процессуальным действием, предусмотренным УПК РФ, трудно, так как это действие (в отличие, например, от судебной экспертизы) лишь упоминается в УПК РФ, но ни его содержание, ни порядок его производства в кодексе никак не регламентированы.

Между тем, если милиции для выполнения возложенных на нее обязанностей и предоставлялось законом право производить уголовно-процессуальные действия, то лишь в предусмотренных законом случаях и **в предусмотренном законом порядке** (п. 6 ч. 1 ст. 11 Закона РФ от 18 апреля 1991 г. №1026-1 «О милиции»). В настоящее время полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей также предоставляется право производить следственные и иные процессуальные действия, но опять-таки **лишь в случаях и порядке, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации** (п. 9 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 г. №3-ФЗ «О полиции»).

Проверки и ревизии в какой-то мере регламентировались в пунктах 25 и 35 ч. 1 ст. 11 Закона РФ от 18 апреля 1991 г. №1026-1 «О милиции». Однако Федеральным законом от 26.12.2008 г. №293-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской Федерации, касающихся проверок субъектов предпринимательской деятельности» пункты 25 и 35 ч. 1 ст. 11 Закона «О милиции» признаны утратившими силу.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в названии Федерального закона от 26.12.2008 г. №293-ФЗ исключенные права органов внутренних дел Российской Федерации именуются **внепроцессуальными**. Это касается в том числе права требовать при проверке имеющихся данных, указывающих на признаки преступления, обязательного проведения в срок не более тридцати дней проверок и ревизий финансовой, хозяйственной, предпринимательской и торговой деятельности, а также самостоятельно проводить в указанные сроки такие проверки и ревизии, изымать при производстве проверок и ревизий документы либо их копии с обязательным составлением протокола и описи изымаемых документов либо их копий, а также права при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, связанного с нарушением законодательства Российской

Федерации о налогах и сборах, проводить проверки организаций и физических лиц.

С учетом вышеизложенного квалификация законодателем исключенных прав органов внутренних дел как внепроцессуальных и само законодательное решение об исключении пунктов 25 и 35 ч.1 ст.11 Закона «О милиции» представляются правильными.

В первоначальной редакции проекта федерального закона «О полиции», предложенной для общественного обсуждения в августе 2010 года, содержалось право полиции «*требовать от организаций при наличии признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления проведения проверок и ревизий финансово-хозяйственной деятельности этих организаций либо проводить их самостоятельно в сроки и по основаниям, которые установлены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации*» (п. 11 ст. 13). Однако в итоговом варианте проекта федерального закона «О полиции», внесенном Президентом Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, указанное право было исключено [2]. Не предусматривает такого права полиции и ныне действующий Федеральный закон от 7 февраля 2011 года №3-ФЗ «О полиции». По этой причине сегодня возникает вопрос о правомерности производства полицией документальных проверок, ревизий.

В отличие от УПК РСФСР 1960 г. в действующем УПК РФ акты ревизий и документальных проверок исключены из списка того, что допускается в качестве доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). В связи с этим суды иногда не принимают их в качестве допустимых доказательств, что вынуждает следователей назначать судебно-бухгалтерскую экспертизу для разрешения тех вопросов, которые уже были разрешены ревизором, и подтверждать выводы ревизора заключением эксперта [3. — С. 31]. Если раньше акты ревизий зачастую использовали вместо заключения судебной бухгалтерской экспертизы, то сейчас, как правило, такая экспертиза все равно проводится, несмотря на проведенную ревизию, причем в обвинительном заключении (акте) и приговоре ссылаются в качестве доказательства на заключение эксперта [4. — С. 15].

Всё это приводит к увеличению времени и материальных затрат на досудебное производство, снижает эффективность борьбы с преступностью.

В этих условиях, на наш взгляд, правы те ученые, которые относят ревизии и документальные проверки к непроцессуальным (не имеющим доказательственного значения) формам использования специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела [5. — С. 37—38; 6], и те следователи, которые учитывают, что акты

ревизий не указаны в ч. 2 ст. 74 УПК РФ как вид доказательств, и считают «целесообразным проведение специального исследования финансово-хозяйственных операций сразу посредством судебно-бухгалтерской экспертизы» [7. — С. 47].

Случайно ли законодатель исключил акты ревизий и документальных проверок из списка того, что допускается в качестве доказательств? Думается, что нет.

Во-первых, проблема определения ревизии или проверки как метода государственного контроля не является, по-видимому, чисто процессуальной и носит межотраслевой характер.

Так, А.С. Пантелеев и А.Л. Звездин отмечают, что «специальных нормативных документов, где прописывались бы требования к действиям ревизора, нет» [8. — С. 66].

М.Ю. Михеева пишет: «Так, ревизия и проверка как методы государственного финансового контроля не имеют правового обоснования: их назначение, содержание, порядок проведения, оформление материала не закреплены законом, в то время как Гражданский кодекс РФ дает возможность оспаривать их результаты. Отсутствие законодательного определения ревизии и контроля ущемляет интересы юридических лиц и права граждан. В подзаконных нормативных документах Счетной палаты РФ и Минфина России вопросы регламентирования ревизии и проверки решены весьма различно, хотя речь идет об одних и тех же объектах и предметах контрольной деятельности. Кроме того, негативным последствием данного положения явилось снижение роли ревизии и ограничение возможностей ее проведения» [9. — С. 63].

Возникает вопрос: можно ли признать допустимыми доказательства, полученные методом, не имеющим правового обоснования, да еще с ущемлением интересов юридических лиц и прав граждан, тем более полученные до возбуждения уголовного дела?

Во-вторых, если акт ревизии (проверки), составленный по требованию дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, содержит обоснованное специальными знаниями новое выводное знание (логический вывод), то он (акт) имеет тот существенный недостаток перед заключением эксперта, что лицо, производящее документальную проверку, ревизию, не несет уголовную ответственность за заведомо ложный вывод. Кроме того, в отличие от эксперта, на лицо, производящее документальную проверку, ревизию, не распространяются содержащиеся в пунктах 1 и 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ запреты без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производ-

ством судебной экспертизы, и самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования. Следовательно, существует опасность случайного или тенденциозного подбора ревизором материала для исследования и формулирования внешне логичного, но необъективного вывода по итогам документальной проверки, ревизии.

На практике в некоторых случаях сведущие лица, проверяющие финансовую или хозяйственную деятельность организации, не ограничиваются исследованием документов, опрашивают сотрудников, получают от них объяснения и показания. Далее в акте проверки могут делаться выводы, основанные в том числе и на объяснениях и показаниях.

Таким образом, акты проверок или ревизий могут содержать выводы, основанные как на случайно или тенденциозно подобранном сведущим лицом (будь то ревизор, специалист или иное лицо) материале, так и на объяснениях и показаниях лиц, не имеющих какого-либо процессуального статуса и не несущих (в отличие от свидетелей) уголовную ответственность за заведомо ложные показания.

В-третьих, при производстве документальных проверок, ревизий отсутствуют и такие предусмотренные законом при назначении и производстве судебной экспертизы гарантии независимости сведущего лица и невмешательства в его деятельность, как определенные процессуальные правила ее (судебной экспертизы) назначения и производства (порядок направления материалов на экспертизу (ст.199 УПК РФ); право эксперта знакомиться с материалами, относящимися к предмету судебной экспертизы; право эксперта ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов; право эксперта участвовать с разрешения дознавателя, следователя в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы; право эксперта давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования; право эксперта приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права; право эксперта отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если предоставленные ему материалы недостаточны для дачи заключения).

По данным В.В. Карякина и В.Н. Махова, «в настоящее время "специалисты-ревизоры" УНП

МВД РФ не несут никакой ответственности за достоверность своих выводов, содержащихся в акте документальной проверки налогоплательщика, что нередко приводит к невнимательному и поверхностному отношению к исполнению своих служебных обязанностей и, как следствие, необоснованному принятию следователем решения о привлечении гражданина к уголовной ответственности за совершение налогового преступления» [10. — С. 102].

В литературе высказывается мнение, что акт потребованной следователем документальной ревизии как источник доказательств относится к «иным документам», а ревизор в случае необходимости допрашивается в качестве свидетеля [11].

На наш взгляд, нельзя не учитывать, что в рассматриваемых ситуациях акт ревизии или документальной проверки отличается от иных документов тем, что он составлен по итогам потребованной дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа ревизии или документальной проверки. В связи с этим более обоснованной представляется точка зрения, согласно которой акт ревизии если и можно использовать в качестве доказательства — иного документа, то лишь в тех случаях, когда ревизия проводилась не по требованию властных участников уголовного судопроизводства [12. — С. 24—25].

Альтернативой документальным проверкам, ревизиям является судебная экспертиза — процессуальное действие, порядок производства которого подробно регламентирован в главе 27 УПК РФ.

В связи с этим, думается, не утратило своего значения и указание Пленума Верховного Суда СССР о том, что «имеющиеся в деле акты либо справки о результатах ведомственного исследования какого-либо обстоятельства, в том числе и ведомственные заключения, именуемые экспертизой (о качестве товара, недостатке товарно-материальных ценностей и т.п.), хотя бы и полученные по запросу органов следствия и суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы» [13].

Позже аналогичное мнение выразил и Пленум Верховного Суда Российской Федерации: «Справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы» [14]. При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановил: «Обратить внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного иссле-

дования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства **судебной экспертизы** (выделено мной. — И.О.) во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле» [15].

В соответствии с Приказом МВД России от 29.06.2005 г. №511 [16] в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации проводятся следующие роды судебных экономических экспертиз: бухгалтерская (исследование содержания записей бухгалтерского учета), налоговая (исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов), финансово-аналитическая (исследование финансового состояния) и финансово-кредитная (исследование соблюдения принципов кредитования) [17].

В отличие от акта документальной проверки, ревизии все заключения экспертов, полученные в результате производства судебных экспертиз, могут быть признаны допустимыми уголовно-процессуальными доказательствами (п. 3 ч. 2 ст. 74, ч. 1 ст. 80 УПК РФ) и использоваться при установлении наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейфер С.А. Обновление правовой регламентации доказывания по УПК РФ: шаг вперед? // Государство и право. — 2004. — №12.
2. URL: <http://zakonoproekt2010.ru/static/lawdiff.pdf#state=current> (дата обращения: 02.11.2010).
3. Рохлин В., Данилова Н., Николаева Т. Использование специальных бухгалтерских знаний при расследовании экономических преступлений // Законность. — 2006. — №4.
4. Белоковылский М.С. «Апатриды» уголовного процесса: проблемы правового статуса процессуальных действий, направленных на получение доказательств // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. — 2009. — № 1.
5. Классен Н.А., Классен А.Н., Кудрявцева А.В. Использование специальных знаний при

осуществлении защиты по уголовным делам: монография. — М.: Юрлитинформ, 2011.

6. Еремин С.Г. Теоретические и практические проблемы использования специальных бухгалтерских познаний по делам о преступлениях в сфере экономики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Волгоград, 2007.

7. Сушина Т. Защита прав обманутых доле-вых участников строительства // Законность. — 2007. — №2.

8. Мельник М.В., Пантелеев А.С., Звездин А.Л. Ревизия и контроль: учебное пособие / под ред. проф. М.В.Мельник. — М.: ФБК-ПРЕСС, 2005.

9. Михеева М.Ю. О правовом положении органов финансового контроля субъектов РФ // Российская юстиция. — 2006. — №9.

10. Карякин В.В., Махов В.Н. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2005.

11. Киселев И.А., Леханова Е.С. Расследование отмывания преступных доходов: рекомендации для следователей. — М.: Юриспруденция, 2011.

12. Галушкин В.И. Правовые и криминалистические аспекты использования ревизий и иных проверок при выявлении и расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009.

13. Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

14. Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

15. Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

16. Приказ МВД России от 29.06.2005 г. №511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 23 августа 2005 г. №6931) // Российская газета. — 2005. — 30 авг.

17. Приложение №2 к Приказу МВД России от 29.06.2005 г. №511 «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Овсянников Игорь Владимирович. Профессор кафедры уголовного процесса. Доктор юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.
E-mail: ivover@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (4732) 62-33-95.

Ovsyannikov Igor Vladimirovich. Professor of the chair of criminal procedure. Doctor of sciences (law), assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 262-33-95.

Ключевые слова: документальная проверка; ревизия; судебная экспертиза; доказательство.

Key words: documentary verification; audit; expert testimony in court; the proof.

УДК 343.1

С.Н. Латынин,
УФСИН России по Воронежской области

**КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС И ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
«ОБ УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ, ИСПОЛНЯЮЩИХ
УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ»**

**LEGISLATION COLLISIONS: THE EXECUTIVE PENAL CODE
AND THE LAW «ABOUT ESTABLISHMENTS AND THE BODIES
EXECUTING CRIMINAL PUNISHMENTS IN THE FORM
OF IMPRISONMENT»**

В статье приводится сравнительный анализ двух документов, составляющих правовую основу деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации — Уголовно-исполнительного кодекса и Федерального закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Автором отмечено наличие несоответствий (коллизий) теоретико-прикладного характера между этими документами и приведены конкретные примеры, имеющие наиболее важное значение для пенитенциарной системы.

The article contains a comparative analysis of the two documents constituting the legal basis of penal system of the Russian Federation – The Executive Penal Code and The Law «About establishments and the bodies executing criminal punishments in the form of imprisonment». The author noted inconsistencies (collisions) theoretical and applied nature between these instruments and the specific examples that are most important for penitentiary system.

Вопрос о значении Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в уголовно-исполнительном законодательстве по-прежнему остается открытым [1]. Представляется, что этот закон должен в полной мере соответствовать положениям Уголовно-исполнительного кодекса (УИК). Однако их сравнительный анализ показывает — до сих пор в этих документах содержатся коллизии, имеющие теоретико-прикладное значение. На различные коллизии законодательства в уголовно-исполнительной деятельности указывают не только теоретики, как, например, Ю.А. Кашуба [2], А.П. Скиба и А.И. Пятакова [3], но и практики (В.И. Хижняк) [4].

По общему правилу, нормативную основу уголовно-исполнительной деятельности составляют Конституция РФ, международные стандарты, относящиеся к деятельности должностных лиц в области исполнения наказаний, законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и иные нормативно-правовые акты федерального уровня, в том числе межведомственные и ведомственные, и другие акты [5]. Этот же подход прослеживается в ст. 3 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», в соответствии с которой правовую основу деятельности уголовно-исполнительной системы составляют Конституция РФ, вышеуказанный закон и иные нормативные правовые акты РФ, конституции и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, принятые в пределах их полномочий, нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

Однако в ст. 2 УИК подход несколько иной — уголовно-исполнительное законодательство состоит из самого УИК и других федеральных законов. Исходя из дословного понимания этой нормы получается, что подзаконные документы и другие акты к этой отрасли законодательства отношения не имеют. Вместе с тем объективно к уголовно-исполнительному законодательству относятся и иные нормативно-правовые акты (кроме федеральных законов), упоминания о которых имеются в различных нормах УИК (ст. 5, ч. 3 ст. 32, ч. 3 ст. 82, ч.ч. 1 и 5 ст. 101, ст. 152 и др.).

По всей видимости, имеющаяся коллизия должна решаться в пользу ст. 3 Закона «Об

учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Ряд расхождений имеется между УИК и анализируемым законом при регулировании привлечения к труду осужденных к лишению свободы.

В соответствии со ст. 17 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», учреждения, исполняющие наказания, привлекают осужденных к оплачиваемому труду с учетом трудоспособности и, по возможности, их специальности. Получается, что иные личностные характеристики осужденных, а также другие обстоятельства во внимание администрациями исправительных учреждений (ИУ) не принимаются.

Однако в ч. 1 ст. 103 УИК условия привлечения осужденных к труду несколько иные: администрация ИУ обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности, а также исходя из наличия рабочих мест. Обращает на себя внимание дополнительная конкретизация в УИК личностных характеристик осужденных (пол, возраст, состояние здоровья), а также наличие объективных обстоятельств (наличие рабочих мест), что существенно изменяет концепцию взаимоотношений администраций ИУ с осужденными в этой области. Так, упоминание о наличии рабочих мест как условия привлечения к труду, по сути, не обязывает администрацию ИУ трудоиспользовать всех осужденных, а лишь только на имеющих объектах. В этом случае обязанность администраций ИУ привлекать осужденных к труду в соответствии с УИК как бы становится относительной.

Обращает на себя внимание и перечень объектов, на которых можно трудоиспользовать осужденных. Так, по ст. 17 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» к ним относятся:

1) центры трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских учреждений, исполняющих наказания;

2) федеральные государственные унитарные предприятия уголовно-исполнительной системы;

3) объекты организаций любых организационно-правовых форм, расположенных на территориях учреждений, исполняющих наказания, и вне их;

4) по хозяйственному обслуживанию учреждений, исполняющих наказания, и следственных изоляторов.

П. 4 этой нормы закона, по сути, образует правовую основу привлечения осужденных к труду по хозяйственному обслуживанию различных ИУ: колоний-поселений, исправительных колоний общего, строгого и особого режимов, воспитательных колоний, тюрем, лечебных исправительных учреждений, следственных изоляторов, лечебно-профилактических учреждений.

Вместе с тем в ч. 1 ст. 103 УИК, где дается перечень объектов, на которых можно трудоустроить осужденных, о хозяйственном обслуживании ИУ ничего не говорится (в противоречие ст. 17 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»). В других нормах УИК хозяйственное обслуживание упоминается лишь в отношении следственных изоляторов и тюрем (ч. 1 ст. 74, ст. 77, ч. 1 ст. 96, ч. 1 ст. 97, ч. 2 ст. 131), хотя эта форма привлечения к труду достаточно активно применяется на практике и в других учреждениях УИС. Например, об этом говорится в ст. 22 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и п.п. 185,186 Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы.

Получается, что положения УИК в сфере регулирования привлечения осужденных к труду по хозяйственному обслуживанию ИУ не соответствуют не только иным нормам законодательства в области исполнения наказаний, но и реальной правоприменительной деятельности.

Отдельные вопросы имеются и в отношении правового регулирования мер безопасности, так как основания их применения сотрудниками ИУ в рассматриваемых актах прописаны по-разному.

Так, по ст. 86 УИК физическая сила, специальные средства и оружие применяются в случаях: оказания осужденными сопротивления персоналу исправительных учреждений, злостного неповиновения законным требованиям персонала, проявления буйства, участия в массовых беспорядках, захвата заложников, нападения на граждан или совершения иных общественно опасных действий, а также при побеге или задержании бежавших из исправительных учреждений осужденных в целях пресечения указанных противоправных действий, а равно предотвращения причинения этими осужденными вреда окружающим или самим себе.

Однако в соответствии со ст. 30 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»

сотрудники уголовно-исполнительной системы применяют специальные средства в следующих случаях: для отражения нападения на работников уголовно-исполнительной системы, осужденных, заключенных и других граждан; для пресечения массовых беспорядков, групповых нарушений общественного порядка осужденными и заключенными, а также задержания правонарушителей, оказывающих злостное неповиновение или сопротивление персоналу; для освобождения заложников, захваченных зданий, сооружений, помещений и транспортных средств; при конвоировании и охране осужденных и заключенных, когда они своим поведением дают основание полагать, что могут совершить побег либо причинить вред окружающим или себе; для задержания и возвращения осужденных и заключенных, бежавших из-под стражи или из учреждения, исполняющего наказания.

В соответствии со ст. 31 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» сотрудники уголовно-исполнительной системы имеют право применять огнестрельное оружие: для защиты от нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан; для отражения нападения, угрожающего жизни и здоровью работников уголовно-исполнительной системы, осужденных заключенных и иных лиц, а также для отражения нападения с целью завладения оружием; для освобождения заложников, захваченных зданий, сооружений, помещений и транспортных средств; для отражения группового или вооруженного нападения на охраняемые объекты, помещения и сооружения учреждений, исполняющих наказания, а также на транспортные средства; для задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление, и в некоторых других случаях.

Получается, что только отдельные основания применения физической силы, специальных средств и оружия (например, для отражения нападения) прописаны в обоих актах, в то время как остальные основания разнятся. Налицо наличие коллизий в части регулирования оснований применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками УИС, что не может не сказываться на практике.

Кроме того, в рассматриваемых законах имеются различные подходы к определению перечня учреждений уголовно-исполнительной системы.

Так, по ст. 16 УИК к учреждениям уголовно-исполнительной системы относятся: уголовно-исполнительные инспекции, исправительные центры, арестные дома, колонии-поселения, воспитательные колонии, лечебные исправительные учреждения, исправительные колонии общего, строгого или особого режима, тюрьмы, следственные изоляторы.

Закон «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» не содержит подобного исчерпывающего перечня, обычно ограничиваясь общими фразами и ссылками на УИК. Однако само название данного закона подразумевает его распространение только на учреждения, исполняющие лишение свободы, но никак не на уголовно-исполнительные инспекции, исправительные центры и арестные дома.

Таким образом, вопрос о том, каков же перечень учреждений УИС, остается открытым. Тем более, что в УИК перечень учреждений, указанных в ст. 16, дополняется лечебно-профилактическими учреждениями (ч. 8 ст. 74 УИК).

В итоге можно говорить о том, что требуется корректировка положений УИК и закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» для устранения имеющихся коллизий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Злобин С.И. Закон «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: прошлое и

настоящее // 15 лет Закону Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: сборник материалов международной научно-практической конференции / 24-25 сентября 2008 г., г. Псков. — Псков: Изд-во Псков. юрид. ин-та ФСИН, 2008. — С. 185—190.

2. Кашуба Ю.А. Коллизии норм Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. — 2007. — № 1. — С. 15—21.

3. Скиба А.П., Пятакова А.И. Коллизии законодательства при применении уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних // Антиобщественный образ жизни и преступность молодежи: материалы Всероссийского «круглого стола» / 16—17 сентября 2011 года. — Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2011. — С. 169—172.

4. Хижняк В.И. Закон «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и УИК РФ: проблемы корреляции // 15 лет Закону Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: сборник материалов международной научно-практической конференции / 24—25 сентября 2008 г., г. Псков. — Псков: Изд-во Псков. юрид. ин-та ФСИН, 2008. — С. 257—260.

5. Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. — М.: Юрайт, 2012. — С. 214.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Латынин Сергей Николаевич. Начальник управления.
УФСИН России по Воронежской области.
E-mail: ufsin_voronezh@mail.ru
Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 12а.

Latynin Sergey Nikolaevich.
The Chief of Department.
Federal Penitentiary Service of Russia. Department in the Voronezh region.
Work address: Russia, 394043, Voronezh, Lenin Str., 12a.

Ключевые слова: коллизии; пенитенциарная система; уголовно-исполнительное законодательство; учреждения и органы, исполняющие наказания в виде лишения свободы.

Key words: collisions; penitentiary system; executive penal legislation; establishments and the bodies executing criminal punishments in the form of imprisonment.

УДК 343.8

С.Р. Микаугадзе,
кандидат юридических наук

А.В. Оболонская

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ

CURRENT ISSUES IN THE LEGAL REGULATION AGGRAVATING CIRCUMSTANCE

В статье анализируется состояние существующей в действующем УК РФ системы отягчающих наказание обстоятельств. Обосновывается мнение авторов о непоследовательности и противоречивости отдельных законодательных решений об использовании некоторых обстоятельств в качестве квалифицирующих признаков конкретных составов преступлений. Формулируется вывод о необходимости научной разработки критериев систематизации обстоятельств, отягчающих наказание.

This article analyzes the current state in the current Criminal Code of the aggravating circumstances. The opinion of the authors of inconsistencies and contradictions of certain legislative decisions on the use of certain circumstances as aggravating circumstances of specific offenses. Draw conclusions about the need to develop criteria of scientific systematization aggravating circumstance.

Одним из последних значительных изменений в Уголовном кодексе стало включение рецидива в качестве квалифицирующего признака отдельных составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в частности дополнение статьи 131 частью 5, 132 — ч. 5, 134 — ч. 6, 135 — ч. 5, где речь идет о совершении преступления «лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего» (Федеральный закон от 29.02.2012 г. №14-ФЗ).

В свете существующей на данный момент законодательной регламентации квалифицирующих признаков уголовно-правовая оценка этих новов-

ведений представляется спорной, т.к. Федеральным законом от 8 декабря 2003 года №162-ФЗ признаки неоднократности и рецидива, которые до этого выступали в роли квалифицирующих, были исключены из большинства составов преступлений.

Думается, одним из оснований отказа законодателя в 2003 году от использования признаков неоднократности и рецидива, в том числе рецидива при совершении однородных преступлений, в качестве квалифицирующих было дублирование последним понятия неоднократности, что на практике вызывало ряд противоречий и проблем, связанных с квалификацией преступлений. Однако принципи-

альной причиной данной позиции законодателя, как представляется, была двойственность уголовно-правовых последствий в случаях совершения умышленного преступления лицом, ранее судимым за тождественное умышленное деяние [1]. Такая ситуация противоречила закреплённому в ст. 6 УК РФ принципу справедливости, последовательное проведение которого, по мнению ряда ученых, требует полного отказа от использования неоднократности и судимости в качестве квалифицирующих признаков. Так, Б.В. Волженкин отмечает, что «подход должен быть единым во всех случаях: преступник наказывается за содеянное, а характеризующие его личность обстоятельства, в том числе и судимость, учитываются в пределах относительно определенной санкции, предусмотренной законом за вменяемое лицу деяние» [2].

Данное законодательное решение стало знаковым для отечественной уголовно-правовой доктрины. Многие специалисты отмечают очевидность того, что наличие судимости, рассматриваемое в качестве квалифицирующего обстоятельства преступления, также влечет ответственность ранее судимого лица, его совершившего, не только за содеянное в пределах санкции, установленной за деяние, но, по существу, еще раз за прошлое преступление, что противоречит части 1 статьи 50 Конституции РФ, согласно которой никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление.

Кроме того, требованиям Конституции РФ корреспондируют также обязательства, принятые на себя Россией по международным договорам и являющиеся частью ее правовой системы (часть 4 статьи 15 Конституции РФ): никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны (пункт 7 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах); никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое он уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства (статья 4 Протокола №7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод) [3].

Таким образом, использование признака рецидива при конструировании квалифицированных составов преступлений в процессе выбора меры уголовной ответственности создает условия для двойного учета тяжести как вновь совершаемого деяния, так и уже совершенного, т.е., по сути, для повторного возложения на виновное лицо уголовной ответственности за ранее содеянное, что усугубляет положение виновного и противоречит конституционному принципу справедливости и нормам международного права.

Развитием данного системного подхода стало законодательное решение об отказе от понятия «особо опасного рецидивиста» и от использования в Особенной части УК квалифицирующего признака совершения преступления особо опасным рецидивистом, ввиду недопустимого переноса тяжести уголовной ответственности на свойства личности преступника [1], влияние опасности личности на дифференциацию ответственности, что противоречило общераспространенному принципу равенства всех граждан перед законом.

Тем не менее в 2012 году законодатель вновь возвращается к использованию рецидива в качестве квалифицирующего признака конкретных составов преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. ст. 131, 132, 135; ч. 6 ст. 134 Уголовного кодекса. Данное законодательное решение имеет определенное объяснение. Безусловно, следует согласиться с мнением экспертов Конституционного Суда РФ о том, что имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость «указывается в качестве относящегося к субъекту преступления квалифицирующего признака состава преступления, антисоциальная природа которого определяется в значительной мере систематичностью преступного поведения лица» и «порождает... особые публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью» [3]. В этом смысле решение законодателя расширить границы меры наказания за совершение конкретных преступлений (ч. 5 ст. ст. 131, 132, 135; ч. 6 ст. 134 УК РФ) криминологически обоснованно. Данное решение объяснимо и с уголовно-правовой точки зрения. Конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации принципам справедливости и гуманизма противоречило бы законодательное установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего преступление лица, и применение одинаковых мер ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без учета фактора интенсивности участия конкретного лица в преступлении, его поведения после совершения преступления и после отбытия наказания, если таковое уже назначалось ранее, иных характеризующих личность обстоятельств [3].

Однако при всем этом нововведение в УК РФ 2012 года выходит за рамки системного подхода, заложенного законодателем в 2003 году посредством установления принципа, в соответствии с которым нарушилась связь характеристики лич-

ности с возможностью дифференциации уголовной ответственности. Ведь решением остро стоящей проблемы адекватной уголовно-правовой оценки случаев совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних могли бы стать другие альтернативные способы усиления ответственности за повторное совершение преступлений данной категории, не вступающие в системное противоречие с указанным принципом. Например, в рамках статьи 68 Общей части Уголовного кодекса возможно было бы предусмотреть минимальный нижний предел размера наказания за совершение конкретных преступлений данной главы путем внесения соответствующих изменений в правила назначения наказания. Например, таким минимальным нижним пределом размера наказания мог бы быть срок 15 лет лишения свободы.

Следует согласиться с мнением ученых, которые, сравнивая случаи совершения одного и того же преступления лицом, не имеющим судимости, и рецидивистом, значительной разницы в перепаде степени общественной опасности данных деяний не усматривают [4. — С.70; 5. — С. 103], что позволяет вести речь об отсутствии возможности использования признака рецидива в качестве обстоятельства, позволяющего дифференцировать ответственность.

Мы придерживаемся той точки зрения, что обстоятельства, относящиеся к характеристике личности виновного, включая ее общественную опасность, и не проявляющиеся в деянии, не должны признаваться квалифицирующими. Поскольку квалифицирующими признаками могут быть лишь те обстоятельства, которые характеризуют содеянное либо одновременно преступление и личность виновного, иными словами — обстоятельства, проявившиеся в содеянном [6]. Обстоятельства, характеризующие общественную опасность личности, могут быть учтены в достаточной степени при индивидуализации наказания.

В целом идея формализации влияния рецидива на наказание должна заключаться в возникновении новых пределов избрания меры воздействия, а не в изменении рамок санкции. Поэтому признак рецидива, как обстоятельства, характеризующего общественную опасность преимущественно личности, не должен рассматриваться в качестве квалифицирующего признака в конструкции состава преступного деяния, а соответственно, и дополнительного средства дифференциации ответственности, в основание которой заложено изменение квалификации содеянного.

Таким образом, в 2003 году в нормы Уголовного кодекса на законодательном уровне была заложена концепция регламентации системы квалифицирующих признаков, основополагающим началом которой — ее фундаментальным принципом — стала тенденция намеренного отказа от

признания квалифицирующими признаками тех обстоятельств, которые порождают двойственность уголовно-правовых последствий содеянного и дифференциацию ответственности на основе характеристики личности преступника. Несмотря на серьезную критику значительного упрощения института множественности преступлений, этой тенденции законодатель придерживался на протяжении последних лет, вплоть до 2012 года, когда ввел в статьи за совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности признак рецидива, изменив тем самым вектор законодательной политики.

Как отмечалось выше, оценка указанных нововведений представляется как минимум неоднозначной. С одной стороны, последние изменения уголовного закона являются результатом политической воли и выражают объективную необходимость государства максимально остро реагировать на вызывающие значительный общественный резонанс проявления педофилии, столь распространенные в настоящее время. С другой стороны, это решение вступает в системное противоречие с концепцией, основы которой были заложены законодателем в 2003 году. Очевидно, что решение о включении признака рецидива за совершение однородных преступлений в квалифицированные составы конкретных преступных деяний выбивается из определенной законодателем системы, в соответствии с принципами которой связь личности преступника с его ответственностью за совершение нового преступления усматриваться не должна.

Думается, что решение законодателя 2012 года о введении рецидива в качестве квалифицирующего признака отдельных составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы малолетней личности, в силу изложенного, непоследовательно и спорно.

Отмеченная нами закономерность, положенная в основу системы использования законодателем обстоятельств, отягчающих наказание, проявляется и в других характерных примерах.

Так, уголовный закон в качестве обстоятельства, отягчающего наказание использует следующий признак — «совершение преступления с садизмом» (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Данный признак, как характеризующий преимущественно личность виновного, не используется законодателем в качестве квалифицирующего в статьях Особенной части УК. Однако тем же пунктом рассматриваемой статьи УК законодателем предусмотрен признак — «совершения преступления с особой жестокостью», выступающий конструктивным признаком квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 105 (ч. 2 п. «д»), 111 (ч. 2 п. «б»), 112 (ч. 2 п. «в»), 131(ч. 2 п. «б»), 132 (ч. 2 п. «б») УК РФ.

Анализ социально-правовой сущности каждого из приведенных обстоятельств позволяет обнаружить следующую закономерность. В случаях совершения преступления с особой жестокостью виновный, как правило, использует особо болезненные способы физического насилия, причиняя потерпевшему множество не вызываемых необходимостью телесных повреждений, применяя пытки и т.д. Поэтому о существенном перепаде в степени общественной опасности следует вести речь с позиции способа совершения преступления, фактора, определяющего количественную характеристику опасности деяния [7]. В то же время садист, совершая фактически и механически те же деяния, что и при особой жестокости, стремится к удовлетворению своих садистских потребностей — удовольствию и наслаждению от физических страданий, причиняемых жертве, которые выступают целью и, возможно, даже мотивацией совершения преступления. Очевидно, что повышенная общественная опасность деяния, совершаемого с элементами садизма, в большей степени обусловлена опасностью самого преступника, крайне отрицательной характеристикой его личных качеств, нежели объективными характеристиками совершаемого деяния. Думается, именно по этой причине законодатель ограничился в использовании рассматриваемого обстоятельства в качестве средства индивидуализации наказания. В то же время схожий с садизмом признак особой жестокости, характеризующий не только личностные свойства преступника, но и явно выраженный в способе совершения преступления, предусмотрен как в ст. 63 Общей части УК РФ в качестве средства индивидуализации наказания, так и в статьях Особенной части (ст. ст. 105, 111, 112, 131, 132) в качестве средства дифференциации уголовной ответственности.

Также весьма непоследовательным представляется решение законодателя, касающееся другого признака, характеризующего преимущественно личность виновного, в частности совершение преступления «родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего». Данное обстоятельство, предусмотренное составами отдельных конкретных статей Особенной части УК РФ (ст. ст. 150, 151, 242.1), выполняло функцию квалифицирующего признака вплоть до 2012 года. Но в соответствии с последними изменениями уголовного законодательства, произошедшими в связи с принятием Федерального закона РФ от 29 февраля 2012 года №14-ФЗ, этот признак был исключен из конструкции состава одной из статей Особенной части УК (ст. 242.1) и введен пунктом «п» в часть 1 ст. 63 Общей части УК.

С одной стороны, законодатель, следуя известному принципу, заложенному в уголовное право в 2003 году, отказывается от использования

в качестве квалифицирующего признака в статье 242.1 УК РФ обстоятельства, характеризующего преимущественно личность виновного. С другой — указанный признак неизменно остается в конструкциях составов других статей Особенной части (ст. ст. 150, 151 УК), что позволяет дифференцировать ответственность на основе характеристики личности преступника и вступает в системное противоречие с принципом отказа от учета признаков, характеризующих личность виновного, при конструировании квалифицированных составов преступлений.

В пользу выдвигаемой нами ранее альтернативы усиления ответственности, не вступающей в системное противоречие, свидетельствует введение в 2012 году рассматриваемого признака в ст. 63 Общей части УК РФ в качестве отягчающего обстоятельства, учитываемого при индивидуализации наказания. Таким образом, следуя намеченному курсу систематизации квалифицирующих признаков, целесообразно будет исключить из конструкции составов ст. ст. 150, 151 УК РФ такое отягчающее обстоятельство, как совершение преступления «родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего», характеризующую личность виновного лица.

Таким образом, при проведении анализа обнаруживается отсутствие какой-либо объективной закономерности в системе распределения норм, регламентирующих обстоятельства, отягчающие наказания, в УК РФ. Порой трудно установить связь использования законодателем признаков, усиливающих степень общественной опасности, какое именно из обстоятельств свидетельствует о существенном перепаде в уровне качественной характеристики опасности деяния.

Состояние существующей на сегодняшний день системы отягчающих обстоятельств в УК РФ позволяет вести речь о том, что законодатель сам, не исключая противоречивость принимаемых решений, определяет место тех или иных признаков в зависимости от того, насколько политически необходима реакция на вызывающие общественный резонанс негативные явления объективной действительности. При этом, повторим, что некоторые законодательные решения представляются непоследовательными и в определенном смысле создают объективно не подтвержденные основания для дифференциации ответственности в рамках конкретных составов преступлений.

Однако законодательная система не терпит каких-либо отступлений, в том числе продиктованных политическими, социально-экономическими и другими факторами, она требует объективных закономерностей, обусловленных единством и согласованностью ее элементов. Поэтому считаем необходимым систематизировать обстоя-

тельства, отягчающие наказание, привести их к единым критериям отнесения в качестве признаков, определяющих дифференциацию уголовной ответственности, либо признаков, учитываемых законодателем исключительно при индивидуализации наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова М.В. Неоднократность преступлений в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Москва, 2003. — 176 с.
2. Волженкин Б.В. Неоднократность преступлений, их совокупность и рецидив по УК РФ 1996 г. // Проблемы борьбы с преступностью в условиях Северо-Кавказского региона: тезисы докладов и сообщений участников межвузовской научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону, 1997. — С.12—14.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 №3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и

рецидива преступлений, а также пунктов 1 — 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 06.12.12.).

4. Гришанин П.Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву. — М., 1974. — 149 с.
5. Кафаров Т.М. Проблемы рецидива в советском уголовном праве. — Баку, 1972. — 256 с.
6. Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. — Москва, 1999. — 493 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения наказания» от 29 октября 2009 года №20. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 06.12.12.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Микаутадзе Сергей Романович. Начальник кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.
E-mail: vorhmscl@comch.ru
Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Оболонская Анна Владимировна. Аджункт кафедры уголовного права и криминологии. Воронежский институт МВД России.
E-mail: comtese@mail.ru
Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Mikautadze Sergei Romanovich. Chief of the chair of criminal process. Candidate of legal sciences. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Obolonskaya Anna Vladimirovna. Post-graduate cadet of the chair of criminal law and Criminology. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: законодательная политика; отягчающие обстоятельства; квалифицирующие признаки; рецидив, неоднократность; судимость; садизм; особая жестокость; дифференциация ответственности; индивидуализация наказания; системность; половая свобода и половая неприкосновенность.

Key words: legislative policy; aggravating circumstances; qualifying evidences; relapse repeatedly; conviction; sadism; particular cruelty; differentiation of responsibilities; individualization of punishment; systematic; sexual freedom and sexual integrity.

УДК 343.8

Е.К. Волконская,
кандидат юридических наук,
Московский областной филиал
Московского университета МВД России

АГРЕССИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

AGGRESSION: CRIMINOLOGICAL ASPECTS

На основе анализа феномена агрессии исследуется природа насилия. Обосновывается, что агрессия — это намеренное воздействие (или его игнорирование) на живые или неживые объекты с целью причинения им вреда. Агрессивное поведение является насилием. Рассмотрено понятие агрессивности как устойчивого свойства личности, группы, нации, государства, идеологии, эпохи.

On the basis of analysis of the phenomenon of aggression nature of violence is investigated. Grounded, that aggression is this intentional affecting (or his ignoring) living or lifeless objects with the purpose of infliction to them harm. Aggressive behavior is violence. The concept of aggressiveness is considered as steady property of personality, group, nation, state, ideology, epoch.

Вопросам агрессии посвящено достаточное количество работ: биологов, антропологов, этнографов, социологов, психологов, психиатров, юристов. По мере развития научной мысли о человеке развивались и учения об агрессивности — изменялись существующие и появлялись новые теории.

Первые научные размышления об агрессии характеризовали ее как инстинкт. Такой биологизированный подход связан с характерным для ученых XIX в. пониманием человеческого поведения как одной из форм поведения животных. Впервые Ч. Дарвин, идея которого о борьбе за существование часто механически переносилась на процессы, происходящие в человеческом социуме, исследовал эмоции, сопутствующие агрессии и играющие определенную роль в генезисе агрессивного поведения, — гнев, презрение, раздражительность, зависть [16].

Затем агрессия — ее природа и функции — стала самостоятельным предметом исследований, но еще в рамках «социалдарвинизма», рассматривающего поведение людей по аналогии с животным миром. Поэтому К. Лоренц изначально под агрессией понимал необходимый биоло-

гический импульс, развивающийся в результате эволюции в целях выживания индивида и вида [17]. Верно, что в каждом человеке заложен агрессивный инстинкт как готовность к атаке в ситуации, когда возникает угроза жизни. В этом случае биологически обусловлены действия, направленные на устранение опасности или ее причины. Концентрируясь только на биологической природе агрессии, Лоренц пришел к ошибочному выводу о том, что деструктивные силы, к которым он относил жажду мучить и убивать, являются следствием превращения в них защитной, биологически обусловленной агрессии под воздействием ряда различных факторов. Но кровопролитная история человечества, глобальные масштабы насилия являются свидетельством того, что человеческая агрессивность проявляется далеко не лишь в силу жизненно опасных ситуаций и притом не только на уровне, необходимом для собственной защиты (в пределах устранения опасности или ее причины). Следует понимать, что источник агрессивного поведения коренится не только в биологической сущности человека. Агрессивный импульс имеет и соци-

альную природу. К настоящему времени сугубо биологическое объяснение агрессии носит локальный характер и не разделяется подавляющим большинством ученых.

О врожденной природе агрессивности писали и психоаналитики. В 20-е годы XX века З. Фрейд выдвинул теорию, согласно которой в человеке врожденно сосуществуют страсть любви («инстинкт жизни») и страсть разрушения («инстинкт смерти»), обе служащие делу физиологического выживания. Тем самым Фрейд придал деструктивности столь серьезное значение, что она была признана одной из двух фундаментальных человеческих страстей. Инстинкт жизни и инстинкт смерти находятся в постоянной борьбе, но при любом ее исходе поражение терпит человек. Когда агрессия выплескивается вовне, это приводит к уничтожению культуры и варварству; если действует на внутренней арене — к самодеструкции; если подавляется — к неврозу [12]. Однако полагаем, что агрессия как страсть (очень стойкое аффективное стремление разрушения) биологически не запрограммирована в человеке. Опираясь в том числе на исторические свидетельства поступательных тенденций роста и ужесточения насилия на протяжении человеческой истории, считаем, что деструктивность и жестокость (как влечения мучить и убивать ради удовольствия) стали характерной чертой личности, свойственной пусть не каждому индивиду, но представителям именно социума, в то время как у животных они отсутствуют.

Так, страстное увлечение римлян гладиаторскими боями, наблюдение за которыми и ощущение причастности к участи побежденного (останется ли он в живых или будет убит) доставляли им бесконечное удовольствие; решения Талаат-паши о многомиллионных убийствах армян, Гитлера — об убийствах евреев, Сталина — об убийствах своих политических противников — принимались ими с ощущением глубокого удовольствия. Это доказывает присущность человеческой природе деструктивности, причем в самых жестоких формах (садизм и некрофилия). За всю свою историю человечество накопило неисчерпаемый потенциал разрушения, постоянную готовность к агрессии. «История человечества дает картину невероятной жестокости и деструкции, которая явно во много раз превосходит агрессивность его предков» указывает Э. Фромм [13. — С. 240].

Полагаем, что посредством архетипических механизмов человеческий опыт деструктивного и жестокого поведения, возникший в силу специфических условий человеческого существова-

ния на определенном этапе развития общества и повторяющийся из поколения в поколение, стал закрепляться на коллективном бессознательном уровне психики человеческого рода. Так, Ю.М. Антонян указывает на архетипический характер человеческой агрессии, имеющей свои глубинные мифологические прообразы (первообразы); в коллективном бессознательном личность постоянно черпает силы для зла и насилия, точно так же, как и для добра и альтруизма [3. — С.155].

Появление архетипа как единицы коллективного бессознательного можно понять, обратившись к рассуждениям Ю.М. Антоняна о зарождении коллективного бессознательного: «В "самом-самом начале" человек был как бы растворен в некоем бессознательном, которое еще нельзя назвать коллективным, а также в природе и первобытной орде, отнюдь не ощущая себя личностью. Думается, что как раз личность, пусть, так сказать, первоначальная, пусть еще только крепнущая, психологически еще совсем не автономная, закладывала основы того, что мы теперь называем коллективным бессознательным» [3. — С. 156]. Коллективное бессознательное есть невоспоминаемое прошлое (или невоспоминаемый опыт) всего человечества; оно вытесняется из общественного сознания в силу своего болезненного характера либо неактуальности, даже ненужности в данный момент, а также в силу постоянного отделения из общественного сознания некоторых универсальных, всеобщих, т.е. наиболее важных, образов, идей, ценностей, категорий, которые переносятся на какой-то высший, абстрактный уровень, где, в принципе, могут быть доступны всем [3. — С. 154].

Архетипы, в свою очередь, есть универсальные модели или устойчивые мотивы, образы и идеи, возникающие из коллективного бессознательного. Ю.М. Антонян определяет архетип как «отдельную коллективную психологическую установку, включающую в себя ценности, мотивы или идеи, это — модели или схемы, носящие абстрактный характер, но приобретающие конкретность в той или иной культуре или субкультуре» [4. — С. 61]. Сами по себе архетипы формальны и обретают содержание в случае, когда ими овладевает сознание, но существуют вне воли и сознания человека. Человек не рождается с какими-то архетипами или их сочетанием в психике, он рождается со способностью их воспринять, архетипы усваиваются им в процессе социализации, обретая при этом индивидуализированные черты. Они проявляются в индивидуальных установках и ценностных ориентациях, влечениях и представлениях; они могут появ-

ляться в сновидениях, фантазиях, бреде, галлюцинациях.

К. Юнг выделил архетип «Тени» как олицетворяющий темные стороны человеческого «Я». По его мнению, «Тень» ответственна за агрессивные проявления и деструктивные тенденции [14]. Вместе с тем Юнг неоднозначно определял Тень, раскрывая ее содержание как скрытой, подавляемой, по большей части отягощенной виной стороны личности и одновременно как позитивных качеств (нормальные инстинкты, уместные реакции, способность к реалистическому восприятию действительности, творческие порывы и т.д.). Антонян рассматривает Тень как низший (морально проблемный) уровень личности; «коллективная Тень содержит в себе негативный, в частности кровавый, опыт, образы разрушительных действий, которые стали стереотипами, образы и образцы готовых решений в типичных ситуациях, тоже ставших стереотипами и вызывающих впоследствии безусловное нравственное осуждение» [4. — С. 297]. Тень является архетипом и содержит в себе архетипы — образы персонажей и образы действий. Антонян к ним относит мифологические образы сатаны (дьявола, демона), разрушительные ипостаси Великой матери (олицетворенной, в частности, в индийской Кали) или Великого отца (олицетворенного, в частности, в гневном Яхве); это повседневные обыденные образы чужого и врага, под которыми человек толпы обычно представляет себе людей иной национальности, языка, культуры, религии, социальной группы; это образы действий, часто принимающие политические формы, например, подавление и уничтожение врагов, подлинных или мнимых, захват чужой земли, принесение жертв, в том числе человеческих и т.д. [4. — С. 298, 299].

Последнее, что необходимо отметить о связи архетипов с человеческой агрессией, это то, что коллективным бессознательным не предопределяется направленность поведения человека, она управляется, контролируется и активно направляется сознанием личности.

Возвращаясь к становлению идей о феномене агрессии, следует отметить, что с развитием общества, его индустриализацией менялся и социальный климат, главным ориентиром в жизни становится разум, а чувства и эмоции представляются излишним балластом. Отсюда смещение научных интересов психологов с человека (его субъективных сил — инстинктов и эмоций — навязывающих определенный способ поведения) на поведение (регулируемое разумом) — его тип и социальные стимулы, его формирующие.

В рамках бихевиористской теории А. Басс выдвинул безмотивационную концепцию, согласно которой агрессию определил как «причинение вреда другому человеку», при этом абсолютно игнорируя субъективные стороны агрессии (намерение). Он указывал, что намерение было бы трудно оценить объективно; ведь, нападая на кого-либо, агрессоры нередко представляют свои цели ложным образом, и даже если бы они хотели остаться верными истине, то могут оказаться не в состоянии определить, к чему же они стремились на самом деле [15]. Конечно, бывают случаи, когда человек не может сам себе объяснить для чего и тем более ради чего он вел себя определенным образом. Но в таких случаях ошибочно называть поведение безмотивным; мотивы присутствуют всегда, не всегда осознаются глубинные, находящиеся в бессознательных пластах психики, мотивы. В приведенном Бассом примере поведение детерминировано как раз бессознательными мотивами. В основе же любого мотива лежат модификации как социально, так и биологически обусловленных потребностей. Поэтому, во-первых, неверно слишком расширенное понимание агрессии, при котором к ней относится любое поведение, причиняющее вред другому человеку, вне зависимости от его мотивационной основы. Во-вторых, в целом бихевиористское объяснение поведения человека лишь совокупностью реакций организма на стимулы внешней среды неверно, так как изначально жизненно важные механизмы заложены в человеке от рождения и принимают участие в регулировании (мотивации) поведения — либо под контролем сознания, либо на бессознательном уровне.

Э. Фромм отграничивает нанесение ущерба (возможность его нанесения) не из злых намерений — псевдоагрессию — от форм истинной агрессии. Так, к видам псевдоагрессии он относит непреднамеренную агрессию (случайное ранение человека в результате непроизвольного выстрела при проверке револьвера), игровую агрессию (убийство противника при сражении на мече в дзэн-буддизме, которое является результатом не ненависти и желания мастера дзэн убить противника, а «неудачным выбором места»), агрессию как самоутверждение (необходимая готовность к решимости, к прорыву, настойчивость и неустранимость перед лицом трудностей и препятствий, целью которой является не нанесение ущерба, а облегчение достижения любой цели — нужна хирургу во время операции, альпинисту при подъеме на гору, генералу для активных действий, солдату для атаки) [13. — С. 244—252].

Теория общего агрессивного драйва представляет агрессию как очень широкий спектр поведенческих актов, включающих и немотивированное нападение на другого человека, и стремление к независимости, и энергичное отстаивание собственного мнения. Так, А. Сторр понимает под агрессией в том числе «основу интеллектуальных достижений, утверждения независимости и даже собственного достоинства, которое дает человеку возможность высоко держать голову, находясь среди других людей» [20]. Поэтому к агрессивной личности сторонники теории общего агрессивного драйва относят продавца, который настойчиво и энергично старается продать товар.

К настоящему времени наиболее распространенным и разделяемым большинством исследователей агрессии является понимание социальной детерминированности агрессии. Полагаем, что проявление биологически заложенного импульса к защитной агрессии, а также возникновение в человеке и проявление агрессии иной природы (возникновение и проявление агрессии из стремления обогащения, из ревности; проявление импульса полностью подчинить другого своей власти (господствовать над жизнью), который коренится в глубинной подструктуре личности в силу архетипических механизмов) связано с социальными факторами.

Вместе с тем внутри указанного, разделяемого большинством специалистов понимания агрессии существуют разные точки зрения по существенным вопросам. Прежде чем обратиться к ним, следует отметить, что формы агрессии весьма разнообразны: сновидения, галлюцинации, бред, фантазии, поведение. Они могут быть как осознанными, так и неосознанными. Так, ответная реакция на угрозу жизни (атака или бегство) возникает бессознательно, под действием несознаваемых биологических механизмов. Но в то же время, как указывают М.И. Еникеев и О.Л. Кочетков, «программа поведения человека, будучи биологически обусловленной, не автономна — она находится под контролем более высоких и более поздно сформированных мозговых структур» [7. — С. 173] (за исключением отдельных критических ситуаций, например состояния аффекта). Отсюда агрессивный импульс, зачастую неосознаваемый индивидом, детерминирует поведение (сны, фантазии и т.д.), соответствующее направленности личности. В аспекте криминологического исследования нас в наибольшей степени интересует поведенческое проявление агрессии.

Общепризнанно, что агрессия всегда связана с вредом (или опасностью его причинения). В отношении других, принципиальных для пони-

мания агрессии характеристик, мнения ученых расходятся.

К таким характеристикам относятся:

1. Объект (предмет) агрессии. В широком понимании объектами агрессии признают другого человека, животное, неживой предмет (Фромм [13. — С. 242], Еникеев совместно с Кочетковым [7. — С. 5]). Только живых существ к объекту агрессии относят Р. Бэрон и Д. Ричардсон [6. — С. 30]. Л. Берковиц допускает агрессию, направленную только на другое лицо [5. — С. 32]. Дополнительно к этому Бэрон и Ричардсон обязательным признаком объекта агрессии называют мотивированность жертвы избегать подобного с собой обращения [6. — С. 53]. Но тогда исключается агрессия в отношении, например, психически нездоровых людей или малолетних, которые в силу особенностей своей психики (знаний) не понимают характера осуществляемых в отношении них действий (бездействия); либо лица, находящегося в состоянии сильного опьянения, не чувствующего физического вреда. В данном случае главное, что вред, особенно физический, объективен и именно он является целью агрессора. Лишь в случае садистского проявления агрессии главное — страдание жертвы, а значит, ее мотивированность избегать жестокого с ней обращения.

Для того чтобы определить объект агрессивного поведения, нужно обратиться к мотивации такого поведения. Если речь идет о сознательном поведении, то оно всегда будет целенаправленно, значит, агрессия всегда будет преследовать цель нанесения вреда. Нанесение вреда камню бессмысленно; сжигание дома (своего или чужого) без причины причинения при этом кому-то какого-либо вреда психически здоровым человеком невозможно. Но через неживые предметы может быть опосредована агрессия в отношении живого существа. Так, при невозможности (как по объективным, так и по субъективным причинам) прямой разрядки агрессии в отношении человека (животного) происходит смещение агрессии (осознанно или неосознанно) на неживой предмет. Например, испытывая ненависть к соседу, неприятель краской обливает дверь в его квартиру. В этом случае агрессия по отношению к соседу осознанно перенесена на его дверь, тем самым причиняя соседу психический вред. Поэтому считаем, что в целом объектами агрессии могут быть как живые существа, так и неживые предметы. При этом агрессия психически здоровых людей через неживые объекты опосредуется, будучи направленной на

причинение психологического вреда человеку (обществу). Агрессия психически нездоровых в принципе может быть направлена помимо одушевленных объектов на неодушевленные.

2. Характер вреда (ущерба). Исходя из различий в объекте агрессии различается, какой вред причиняется агрессором. Так, принимая за объект агрессии только живое существо, предполагается возможность нанесения только физического или психического вреда. В нашем же, широком понимании объекта агрессии допускаем помимо физического или психического вреда, наносимого живым объектам, ущерб (разрушение) — в отношении неживого объекта.

3. Формы поведенческих актов — действие или бездействие. Фромм в определении агрессии указывает только на действия. Другие авторы [5, 6, 7] определяют агрессию через поведение. Полагаем верным агрессией называть поведение, включающее в себя как действия, так и бездействия. В случае, если человек желает смерти другому лицу и оказывается в ситуации, когда второму жизненно необходима помощь (например, он тонет), а первый ее умышленно не оказывает, то он своим бездействием (неоказанием помощи) реализует намерение убить этого человека и тем самым проявляет агрессию. Следует отметить, что некоторые зарубежные исследователи выделяют такие формы проявления агрессии, как агрессия-перенос, агрессия — высвобождение от отрицательных эмоций, агрессия — выражение протеста, агрессия — проявление садизма и мазохизма [7. — С. 217]. Агрессия может быть физической или вербальной (угрозы, ругань).

4. Намеренность агрессии. Большинство исследователей верно указывают, что агрессия всегда намеренна [5, 6, 13]. О несостоятельности безмотивационной концепции Басса, игнорирующей субъективную сторону агрессии, объясняя это тем, что намерение трудно оценить объективно, написано выше. Агрессия всегда мотивирована намерением причинить вред. Агрессор всегда желает нанести вред объекту агрессии. Агрессия целенаправленна. Случайные действия, причинившие вред (например, когда спешащий человек, не замечая другого, случайно наталкивается на него и причиняет физический вред), агрессией не являются. Но следует отметить, что агрессия не всегда умышленна. Намерение причинить вред может быть как осознанным, так и неосознанным. Поэтому агрессия может быть как сознательной (тогда умышленной), так и бессознательной. В свою очередь, преступно насилие, только совершенное

сознательно, а значит, уголовно-наказуемое насилие всегда умышленно.

5. Цель. Правы те авторы [5, 6], которые определяют цель агрессии как причинение вреда объекту. Но есть и другие точки зрения. Так, Дж. Паттерсон и Дж. Тедеша считают, что целью агрессии является грубая попытка принуждения, в частности, например, заставить других перестать делать то, что их раздражает [19, 21]. Д. Финкельхор целью агрессии считает власть и доминирование; агрессор стремится утвердить в отношениях с жертвой собственные доминирующие позиции; объясняет Финкельхор это тем, что более сильные стремятся посредством силы сохранить свое доминирующее положение [18. — С. 77]. Но стремление управлять поведением другого, стремление доминирования указывают на многообразие мотивов, которые могут лежать в основе агрессивного поведения. Разнообразны побуждения, лежащие в основе агрессивного поведения, но цель всех этих побуждений одна — причинение вреда. Так, садизм осуществляется ради господства над жертвой, стремления причинять ей страдания, для причинения ей физического вреда; заказное убийство совершается уже ради материального обогащения, но также для причинения физического вреда, а именно убийства; убийство из мести осуществляется ради компенсации потери либо ради соответствия обществу посредством выполнения национальной традиции («обязанности»), групповой солидарности, и опять для убийства. То есть побуждаемое разными мотивами агрессивное поведение имеет единую цель — причинение вреда.

В зависимости от того, является ли вред самоцелью (садизм) или посредством достижения данной цели преследуется другая цель (например, обогащения при заказном убийстве), различают враждебную (эмоциональную) и инструментальную агрессию [5. — С. 32—35; 6. — С. 31, 32]. М.И. Еникеев и О.Л. Кочетков к инструментальной и враждебной агрессии справедливо добавляют вид аутоагрессии — самообвинение, самоунижение, нанесение себе телесных повреждений, суицид [7. — С. 5, 6]. Противоположного мнения, отрицающего, что действия, целью которых является причинение самому себе вреда, могут признаваться одним из видов агрессии (аутоагрессией), придерживаются Бэрон и Ричардсон, обосновывая это тем, что агрессия, по их мнению, может затрагивать только реципиента, стремящегося избежать нападения [6. — С. 30].

Поэтому мы не можем согласиться с выделенными тремя уровнями агрессии,

предложенными Т.Н. Курбатовой на основе психологической организации человека с агрессивным поведением. Ею определены личностный, субъектно-деятельностный и индивидуальный уровни агрессии. Личностный уровень агрессии связан с мотивационной сферой, самосознанием и проявляется в предпочтении насильственных способов достижения целей. Субъектно-деятельностный уровень связан со стремлением к достижению успеха, цели, ответной реакцией на угрозу, он проявляется в привычном стиле поведения. Индивидуальный уровень релевантен биологической основе человека и состоит в защите себя, потомства, имущества [10. — С. 27, 28]. Тем самым можно сказать, что Курбатова выделила инструментальную агрессию, агрессию как самоутверждение и защитную (биологически обусловленную) агрессию, соответственно трем указанным ею уровням. Однако ее представление структуры агрессии не учитывает агрессию, мотивация которой состоит в получении удовольствия от причинения страданий или от причинения смерти, т.е. в которой насилие является самоцелью (враждебная агрессия). Кроме того, для субъектно-деятельностного уровня указана характеристика ответной реакции на угрозу и для индивидуального уровня указан признак защиты себя, потомства, имущества. Как представляется, ответная реакция на угрозу и составляет защиту. Отсюда отсутствие четкого разграничения этих двух уровней агрессии. В то же время агрессия Курбатовой рассматривается излишне широко, поскольку включает агрессию как самоутверждение. Но последнюю нельзя отнести в принципе к агрессии, поскольку для агрессора обязательно намерение причинения вреда, в то время как, например, для хирурга, деятельность которого требует от него смелости и решительности, единственно возможное намерение — избежание вреда.

Таким образом, под агрессией следует понимать намеренное воздействие (или его игнорирование) на живые или неживые объекты с целью причинения им ущерба.

Как было указано, при единой цели нанесения ущерба различны мотивы, на это побуждающие. Поэтому различается смысловое наполнение форм и проявлений агрессии. Так, в зависимости от того, побуждается агрессивное поведение стремлением защиты (устранение опасности или ее причины) или стремлением разрушения (деструктивность и жестокость) Фромм различает доброкачественную и злокачественную агрессию. Доброкачественная,

оборонительная агрессия — общая и для человека, и для животных — это филогенетически [13. — С. 24] заложенный импульс к атаке (или к бегству) в ситуации, когда возникает угроза жизни. Доброкачественная агрессия служит делу выживания индивида и рода; она имеет биологические формы проявления и затухает, как только исчезает опасность. Злокачественная агрессия — это деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку и практически отсутствуют у других млекопитающих; она не имеет филогенетической программы, не служит биологическому приспособлению и не имеет никакой цели [13. — С. 23, 24]. Злокачественная агрессия это специфически человеческая страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать.

Крайней формой проявления агрессии является агрессивное поведение — насилие. По степени интенсивности агрессивное поведение, а значит, насилие, может варьироваться от демонстрации неприязни до словесных оскорблений, применения грубой физической силы. Берковиц использует термин насилие «только в отношении крайней формы агрессии, намеренного стремления причинить серьезный физический ущерб другому лицу» [5. — С. 32]. Однако его понимание насилия несколько ограничено. Так, во-первых, для признания поведения агрессивным (а значит, и насильственным) не имеет значения степень («серьезность», как указывает Берковиц) причиняемого вреда. Лишь при признании насилия уголовно- или административно-наказуемым необходимо установить определенную тяжесть вреда. Во-вторых, ущерб вследствие насилия, как и вследствие агрессии, может быть не только физическим, но и психическим. Поэтому более верно определение насилия, данное Антоняном, как физического или психического воздействия на кого-то, нанесения ему вреда ради собственных интересов либо такого воздействия, при котором возможное нанесение вреда игнорируется [2. — С. 268]. Таким образом, насилие агрессивно всегда, это поведенческий вариант проявления агрессии. Наиболее общественно опасное насилие уголовно-наказуемо. Отсюда используемое специалистами понятие криминальной агрессии [9]. Преступным является умышленное насилие.

Следует отличать понятие агрессивности от понятия агрессии. Существуют различные определения термина «агрессивность». Так, Еникеев и Кочетков определяют агрессивность как «устойчивое стремление индивида нанести

другому человеку физический или психотравмирующий вред, ущерб» [7. — С. 217]. Согласно данному определению, агрессивность — это признак, характеризующий человека. Также названные авторы указывают, что агрессивность может быть устойчивой чертой личности. Отсюда они справедливо допускают наряду с агрессивностью как устойчивой чертой личности агрессивность в качестве временной характеристики человека, свойственной ему в определенный момент и не являющейся для него постоянным состоянием, перерастающим в свойство личности. В проблемной ситуации, в которой лицо, не обладающее predisposing к агрессии свойствами, поступит без применения насилия, агрессивная личность его применит. Поэтому мы согласны с Бэроном и Ричардсон в том, что существуют потенциальные агрессоры, исходя из свойственности им определенных черт характера, обуславливающих склонность к агрессии, — тех личностных черт, индивидуальных установок и склонностей, которые остаются неизменными вне зависимости от ситуации. К таким чертам, аффектирующим агрессивное поведение, названные авторы относят (имеются в виду характеристики «нормальных» людей, то есть не страдающих явной психопатологией): боязнь общественного неодобрения, раздражительность, тенденцию усматривать враждебность в чужих действиях, убежденность индивидуума в том, что он в любой ситуации остается хозяином своей судьбы, склонность испытывать чувство стыда, а не вины во многих ситуациях [6. — С. 225].

Аналогичное по сути понимание агрессивности как свойства личности, заключающегося в наличии определенных, predisposing к агрессивным формам поведения черт, представлено А.Р. Ратиновым. Агрессивность он определяет как личностную позицию, свойство личности, заключающееся в наличии деструктивных тенденций (диспозиций) в области субъектно-субъектных отношений, готовности и предпочтения использования насильственных средств для реализации своих целей [11. — С. 5].

Берковиц под агрессивностью также понимает качество, характерное для человека, причем именно уровня свойства личности. Он определяет агрессивность как «относительно стабильную готовность к агрессивным действиям в самых разных ситуациях»; «предрасположенность к агрессивному поведению» [5. — С. 44]. Агрессивными Берковиц называет людей, для которых характерно часто видеть угрозы и вызовы со стороны других

людей, готовность атаковать тех, кто им не нравится, враждебная установка к другим людям.

Агрессивность как качество человека рассматривал и Фромм. Наряду с понятием инстинкта, обозначающим естественные влечения, которые коренятся в физиологических потребностях, он выделил понятие характера, указывающего на специфические человеческие страсти, коренящиеся в характере. Характер — это «вторая натура» человека, замена для его слаборазвитых инстинктов. Человеческие страсти соответствуют экзистенциальным потребностям человека, последние же — специфическим условиям человеческого существования. Социальные условия влияют на биологически заданную экзистенциальную ситуацию и возникающие в связи с этим потребности. В зависимости, главным образом, от социальных условий человек при удовлетворении распространенной экзистенциальной потребности — в «воздействии» на кого-либо — будет двигаться либо любовью, либо страстью к разрушению [13. — С. 25, 26].

Степень агрессивности индивида — показатель уровня его социализированности: чем ниже уровень социализированности, тем выше уровень агрессивности индивида. Причем формирование агрессивности, как и укоренение в человеческой природе агрессии как коллективного бессознательного опыта, связано со стереотипным представлением личностью образа врага при условии доминирования у нее таких устойчивых асоциальных качеств, как злобность, жестокость, эмпатия, аутизм, дефекты социальной идентификации. Агрессивность может нарастать по механизму суммации, накопления чувств.

Агрессивность может выступать характеристикой не только отдельной личности, но и группы лиц. Так, по механизму психического заражения либо в силу групповой солидарности, либо в силу следования призывам лидера группы агрессивность личности может перерасти в агрессивность группы, межличностная агрессивность может превращаться в межгрупповую. Так, лица, ранее не имевшие склонности к агрессивному поведению при включении в группу агрессивной направленности сами приобретают черты состоящих в группе индивидов. Причем в прямой пропорциональной зависимости от степени своей заинтересованности в участии в такой группе. Кроме того, различные уровни агрессивности отмечаются у различных категорий преступников — корыстных и насильственных [8. — С. 100—110].

В силу аналогичных психологических механизмов, характерных для распространения групповой агрессивности, появляется агрессивность в

масштабах нации, государства, идеологии. Например, немецкая нация, гитлеровская Германия и национал-социалистическая идеология. В период руководства страной Гитлера немцы были глубоко (идеологически) убеждены в превосходстве своей нации, а отсюда в возможности существования других наций лишь в качестве ресурсов, обеспечивающих жизнь немцев; а в отношении евреев — вовсе как нации, представляющей опасность для Германии и, следовательно, подлежащей быть истребленной. Агрессия в масштабах государства на примере гитлеровской Германии характеризуется тем, что государство преследовало цель разрушения остальных государств.

История человеческого существования, особенно сопровождавшегося крайними формами агрессивного поведения — войнами, кровавыми революциями, позволяет вести речь об эпохах, характеризующихся признаком агрессии. К такой эпохе можно отнести XX век с самым многочисленным числом войн, сменявших друг друга, и революций.

Изложенное позволяет заключить, что агрессия представляет собой намеренное воздействие (или его игнорирование) на живые или неживые объекты с целью причинения им вреда. Проявление биологически заложенной, а также появление иной, не связанной с ней, агрессии, обусловлено социальными факторами, в том числе архетипическими механизмами психики. Крайней формой агрессии, опасной для общества, выступает агрессивное поведение — насилие. Отдельная личность, группа, нация, государство, идеология, эпоха могут характеризоваться устойчивым свойством агрессивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М. Архетип и преступность. — М.: Вече, 2009.
2. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для бакалавров. — М.: Юрайт, 2012.
3. Антонян Ю.М. Миф и вечность. — М.: Логос, 2001.
4. Антонян Ю.М. Архетип и преступность. — М.: Вече, 2009. С.61.
5. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
6. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб.: Питер, 2000.
7. Еникеев М.И., Кочетков О.Л. Общая, социальная и юридическая психология: краткий энциклопедический словарь. — М.: Юрид. лит., 1997.
8. Ениколопов С.Н. Некоторые результаты исследования агрессии // Личность преступника как объект психологического исследования. — М., 1979.
9. Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
10. Курбатова Т.Н. Структурный анализ агрессии // Б.Г. Ананьев и ленинградская школа в развитии современной психологии. — СПб., 1995.
11. Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование / под ред. А.Р. Ратинова (отв. ред.), С.Б. Климова, М.М. Чоченова и др. — М., 1990.
12. Фрейд З. Я и Оно: труды разных лет. — Тбилиси, 1991. — Т. 1.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. — М.: АСТ: Астрель, 2010.
14. Юнг К. Проблемы души нашего времени. — М., 1993.
15. Buss A.H. The Psychology of Aggression. — New York—London, 1961
16. Darwin C.R. The expression of emotions in man and animals. — London. 1872.
17. Lorenz K. Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression. — Wien, 1963.
18. Pagelow M.D. Family violence. — New York: Praeger.
19. Patterson G.R. A performance theory for coercive family interactions. In R. Cairns (Ed.), Social interaction: Methods, analysis, and illustration. — Hillsdale; N.J.: Erlbaum, 1979.
20. Storr A. Human aggression. — New York: Atheneum, 1968.
21. Tedeschi J.T. Social influence theory and aggression. In R.G. Geen and E.I. Donnerstein (Eds.), Aggression: Theoretical and empirical reviews. Vol. 1. — New York: Academic Press.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Волконская Екатерина Константиновна. Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук.
Московский областной филиал Московского университета МВД России.
E-mail: volkonskayaek@mail.ru

Volkonskaya Ekaterina Konstantinovna. The teacher of chair of criminal law and criminology. The candidate of law.

Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Ключевые слова: агрессия; агрессивность; насилие; архетип; жестокость; преступление.

Key words: aggression; aggressiveness; violence; archetype; cruelty; crime.

УДК 343.8

Т.А. Степанова

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПОЛНОМОЧИЯ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ» И «ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ»

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS «POWERS OF THE CHIEF OF INQUIRY DIVISIONS» AND «PROCEDURAL STATUS OF THE CHIEF OF INQUIRY DIVISIONS»

В статье рассматриваются проблемы соотношения категорий «полномочия начальника подразделения дознания» и «процессуальный статус начальника подразделения дознания». Анализируются имеющиеся в литературе определения понятия «полномочия государственного органа и должностного лица». Предлагается авторское понятие «полномочия начальника подразделения дознания», а также вносятся некоторые предложения по совершенствованию действующего законодательства.

The problems of correlation of the categories "powers of the chief of inquiry division" and "procedural status of the chief of inquiry division". Analyzed the published definition of "public authority and the authority of the official." The author's concept of "powers of the chief of inquiry division", as well as some suggestions for improving the legislation in this regard.

Начальник подразделения дознания осуществляет свою процессуальную деятельность с помощью предоставленных ему законодателем полномочий. Полномочия являются процессуальными средствами, предусмотренными

законом и используемыми указанным участником уголовного судопроизводства для достижения поставленных перед ним задач, для эффективного выполнения им своей роли в уголовном судопроизводстве.

К сожалению, в литературе отсутствует единое понимание категории «полномочия». Есть принципиальные отличия в толковании данного термина в гражданском праве, теории государства и права, науке управления, административном праве.

Так, в гражданском праве полномочие рассматривается как право одного лица (представителя) совершать сделки от имени другого (представляемого), тем самым создавая, изменяя или прекращая права и обязанности представляемого [1, 2].

В других отраслях права, а также в теории государства и права, в науке управления полномочия рассматриваются как составная часть компетенции и статуса органа, должностного лица, некоторых иных лиц, реализующих функции, предусмотренные для них законодателем, выражающаяся в праве соответствующего субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным в нормах права. При этом данное право рассматривается одновременно и как обязанность.

О единстве прав и обязанностей в составе полномочий говорится и в отношении представителя в гражданском процессе [3].

Поскольку начальник подразделения дознания является должностным лицом государственного органа, хотя и правоохранительного, то вполне оправданным будет обращение к официальному определению понятия «полномочия», используемого в отношении государственных органов. Ведь уголовно-процессуальный закон его не раскрывает.

Официальное определение понятия «полномочия» было дано в уже утратившем силу Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [4]. В п. 5 ст. 2 указанного нормативного акта говорится о том, что полномочия органа государственной власти — это права и обязанности органа государственной власти в отношении принятия правовых актов, а также осуществления иных государственно-властных действий. Следует отметить, что данному положению не нашлось места в Федеральном законе от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [5], отменившем действие Федерального закона от 24 июня 1999

г. № 119-ФЗ, в то время как многие другие положения утратившего силу нормативного акта вошли в разделы указанного закона.

Полагаем правомерным использование в качестве основы для определения понятия «полномочия начальника подразделения дознания» положения п. 5 ст. 2 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ, касающиеся должностного лица государственного органа. Правда, при этом следует учитывать, что характер властных действий начальника подразделения дознания несколько иной по сравнению с органами государственной власти. Он определен возложенными на него процессуальными функциями.

Следовательно, полномочиями начальника подразделения дознания можно считать предоставленные ему законодателем реализуемые с помощью властных действий процессуальные средства для осуществления возложенных на него функций и включающие в себя его права и обязанности.

Подробнее остановимся на составляющих полномочий начальника подразделения дознания. К ним относятся его права и обязанности. Они характеризуют юридическое состояние начальника подразделения дознания; определяют пределы должного и возможного поведения и действий данного участника уголовного процесса. Свое выражение они получают в совершении начальником подразделения дознания определенных действий и в соблюдении им запретов и ограничений по службе.

Термин «права» употребляют в значении следующих возможностей: вести себя определенным образом; требовать выполнения определенных действий от других лиц; обращаться к государству за обеспечением защиты своих прав [6].

Права как составной элемент полномочий начальника подразделения дознания следует рассматривать двояко. Это не только права в собственном смысле слова, как мера возможного поведения, к которым, например, относится право возбудить уголовное дело в порядке, установленном УПК РФ, принять уголовное дело к своему производству и произвести дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ), но еще и права — гарантии осуществления правомочий данного участника уголовного процесса. Например, право проверять материалы уголовного дела, право давать дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения (ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ). Реализация указан-

ных возможностей гарантирует такое правомочие начальника подразделения дознания, как поручение дознавателю производства дознания по уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ).

Конечно, права-гарантии в составе полномочий начальника подразделения дознания не исчерпывают полностью содержание понятия «уголовно-процессуальные гарантии». Кроме них к таким гарантиям относятся: принципы судопроизводства; уголовно-процессуальная форма; процессуальное принуждение; деятельность не только начальника подразделения дознания, но и других субъектов.

Что касается обязанностей как элемента полномочий начальника подразделения дознания, то и здесь не все однозначно. Среди них можно выделить особую — отвечать за неправомерность своих действий, а также их последствия. Данная обязанность составляет суть ответственности начальника подразделения дознания. Следовательно, можно говорить о том, что она наряду с правами-гарантиями также входит в состав полномочий указанного участника уголовного процесса.

В связи с этим встает проблема разграничения понятий «полномочия начальника подразделения дознания» и «процессуальный статус начальника подразделения дознания». Ведь как выяснилось права-гарантии и ответственность указанного участника уголовного процесса входят как в одно, так и в другое понятие. Не подменяют ли они друг друга?

На данный вопрос следует ответить отрицательно. А для аргументации этого тезиса следует использовать соотношение категорий «полномочия участников уголовного судопроизводства» и «процессуальный статус участников уголовного судопроизводства». Ведь именно они лежат в основе понятий «полномочия начальника подразделения дознания» и «процессуальный статус начальника подразделения дознания».

К сожалению, среди основных понятий, используемых в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, не нашлось места термину «полномочия участника уголовного судопроизводства». А единое понимание и равнозначное использование в правотворчестве этого понятия, как верно отмечает А.Н. Чертков, важно для законодательного регулирования [7]. Четкое нормативное определение понятия «полномочия участника уголовного судопроизводства», его единообразное использование в правовых актах позволит эффективно разграничить компетенцию участников уголовного судопроизводства.

Учитывая изложенные в начале статьи доводы в пользу содержания понятия «полномочия», представленного совокупностью прав, обязанно-

стей их носителей, а также обусловленности их назначением участника уголовного судопроизводства, которое с наибольшей очевидностью прослеживается в его функциях и остальных наиболее важных направлениях его деятельности, полагаем возможным закрепить в п. 24.1 ст. 5 УПК РФ следующее значение исследуемого понятия: полномочия участника уголовного судопроизводства — это закрепленные за ним в установленном законом порядке права и обязанности, предоставляемые ему для осуществления возложенных на него функций, реализуемых им с помощью властных действий.

Однако этого нововведения будет явно недостаточно для единообразного толкования указанного понятия. Следует также обратить внимание на специального носителя полномочий в уголовном судопроизводстве. Термины «полномочия», «уполномочен» используются законодателем, главным образом, применительно к участникам уголовного судопроизводства, обладающим властным ресурсом (прокурор, орган дознания, дознаватель, следователь, начальник подразделения дознания и др.). В редких случаях в уголовно-процессуальных нормах говорится о полномочиях других лиц, не обладающих указанным признаком (например, о полномочиях защитника в соответствии со ст. 53 УПК РФ).

Интересна позиция законодателя применительно к данному вопросу в период действия УПК РСФСР. В этом нормативном акте термин «полномочия» не употреблялся в отношении непубличных участников. В нем говорилось о полномочиях лиц, выражающих публичный интерес, а именно следователя (ст. 127), начальника следственного отдела (ст. 127.1), прокурора (ст. 211), судьи (глава 20).

В отношении же органов дознания термин «полномочия» законодателем не употреблялся, вместо него использовались категории «вправе» (ч. 1 ст. 122), «обязан» (ч. 3 ст. 119) и «обязанности» (ст. 118). Не применялся термин «полномочия» в УПК РСФСР и в отношении лица, производящего дознание. Что тоже не вполне верно. Ведь признаком публичности наряду с судом, следователем и начальником следственного отдела обладают и орган дознания, и лицо, производящее дознание.

Думается, что носителем полномочий в уголовном судопроизводстве может выступать не любой участник уголовного судопроизводства, а соответствующие государственные органы и должностные лица: суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель. Кстати, на публичность носите-

лей полномочий, правда, в конституционных отношениях, в науке уже обращалось внимание [8].

Как уже говорилось, ныне действующее законодательство термин «полномочия» использует применительно не только к властным субъектам, но и к непубличным участникам, а именно — к защитнику (ст. 53 УПК РФ). О полномочиях лица, не обладающего никакой властью, а именно адвоката, говорится и в Федеральном законе Российской Федерации от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [8]. При этом речь в нем идет не только об адвокате, участвующем в уголовном судопроизводстве. Он рассчитан и на адвокатов, участвующих в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве (ст. 6). В последнем случае объяснение применения термина «полномочия» к непубличным субъектам следует искать в традиционном понимании полномочий в гражданском праве. Они рассматриваются как субъективные гражданские права, уполномачивающие своего обладателя на совершение сделки от имени другого лица [10]. Е.И. Орешин видит в полномочиях представителя правомочие, которое предоставляет ему возможность совершить юридические действия от имени представляемого с непосредственными юридическими последствиями для последнего [11]. Такое понимание вполне логично для горизонтальных отношений, основанных на равенстве его участников. Оно вытекает из сущности товарно-денежной формы и связано непосредственно с равенством обмениваемых материальных благ.

По иному на проблему полномочий следует смотреть в вертикальных отношениях — отношениях власти-подчинения, характерных в том числе и для уголовного процесса [12]. Участниками указанных отношений, как правило, с одной стороны, являются государственные органы и должностные лица, а с другой — иные участники уголовного судопроизводства [13, 14]. Полагаем, что обозначать одинаковыми понятиями их процессуальные возможности в уголовном судопроизводстве не вполне правильно. Тем более, что характер возможностей указанных участников процесса неидентичен. Так, предоставленные государственным органам и должностным лицам права зачастую являются одновременно и их обязанностями. Например, отмена необоснованного постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ) является для начальника подразделения дознания и правом, и обязанностью. Более очевидно разграничение прав и обязанностей в отношении иных участников уголовного судопроизводства.

Так, право потерпевшего знать о предъявленном обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) никак не может превратиться в его обязанность, а его обязанность быть подвергнутым приводу в случае неявки по вызову без уважительных причин (ч. 6 ст. 42 УПК РФ) никак нельзя рассматривать как его право.

Таким образом, можно говорить о целесообразности использования в уголовно-процессуальном законодательстве в отношении государственных органов и должностных лиц, включая начальника подразделения дознания, термина «полномочия», а применительно к иным участникам уголовного судопроизводства — термина «права и обязанности». А значит, нуждаются в коррекции уголовно-процессуальные нормы, закрепляющие полномочия непубличных субъектов уголовного судопроизводства.

В частности, следует по образцу ст. 51 УПК РСФСР «Обязанности и права защитника» внести изменения в ст. 53 УПК РФ «Полномочия защитника», заменив термин «полномочия» на термин «права и обязанности». Подобный опыт в УПК РФ уже имеется — не только в отношении заинтересованных участников уголовного судопроизводства, но и их представителей. В статьях, им посвященных, используется именно слово «права», а не «полномочия» (например, ст. ч. 2 ст. 55, ч. 3 ст. 45, ч. 2 ст. 426, ч. 2 ст. 428 УПК РФ). В этом смысле согласованность уголовно-процессуальных норм в плане правильного применения термина «полномочия» является одной из актуальных проблем уголовного судопроизводства, решение которой позволит четче разграничить его участников по публичному признаку.

Итак, поскольку начальник подразделения дознания относится к числу должностных лиц, ведущих процесс, в основе понимания его полномочий лежит общее определение полномочий государственного органа или должностного лица в уголовном судопроизводстве. Важной особенностью полномочий указанных субъектов, включая и начальника подразделения дознания, является их властный характер.

Поскольку категория «права» является более общей, включающей в себя права с различным процессуальным оттенком, в том числе и правогарантии, то именно ее и следует использовать в дефиниции полномочий участников уголовного судопроизводства из числа государственных органов и должностных лиц, включая и начальника подразделения дознания.

По той же самой причине в указанной дефиниции не имеет смысла разграничивать обязанность начальника подразделения дознания и его

ответственность, представленную в виде обязанности отвечать за свои действия. Ведь во всех этих случаях речь идет об одном – о мере должного поведения субъекта.

Таким образом, при конструировании определения «полномочия» следует использовать родовое понятие «обязанность» наряду с родовым понятием «право».

В связи с этим предлагаем определять полномочия государственного органа или должностного лица, осуществляющего уголовное судопроизводство, следующим образом: это обусловленная назначением государственного органа или должностного лица в уголовном судопроизводстве система его прав и обязанностей, реализуемых в рамках предоставленной ему компетенции.

Возвращаясь к вопросу о соотношении категорий «полномочия участников уголовного судопроизводства» и «процессуальный статус участников уголовного судопроизводства», следует отметить, что вторая шире первой и поглощает ее. Ведь кроме прав и обязанностей участника уголовного судопроизводства в состав его процессуального статуса входят и иные элементы. Это обстоятельство признается многими авторами, хотя единого мнения среди них по вопросу об указанных элементах не существует.

Обращаясь к такой разновидности уголовно-процессуального статуса, как процессуальный статус должностного лица, нетрудно заметить, что многие авторы ограничиваются включением в него лишь прав и обязанностей данного субъекта [15]. Сторонники расширительного толкования статуса должностного лица включают в него наряду с правами и обязанностями такие элементы, как должность, функции, гарантии деятельности и ответственность [16]. Полагаем, что последний подход предпочтительнее, поскольку более подробно раскрывает процессуальную сущность и назначение участника уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, целесообразно включить в процессуальный статус начальника подразделения дознания следующие элементы: полномочия; уголовно-процессуальные гарантии реализации прав и исполнения обязанностей, предоставленных законом данному участнику процесса (принцип судопроизводства, прокурорский надзор, уголовно-процессуальная форма и т.д.); ответственность (как позитивная, так и ретроспективная); функции; задачи; процессуальная самостоятельность.

При этом следует иметь в виду, что часть процессуальных гарантий в виде некоторых прав, впрочем как и ретроспективная ответственность в виде обязанности субъекта отвечать за выполнен-

ные действия, может также входить в состав полномочий начальника подразделения дознания.

Все элементы уголовно-процессуального статуса начальника подразделения дознания являются процессуальными средствами, предполагающими создание обстановки требовательности, организованности, дисциплинированности, с их помощью реализуется назначение данного лица в уголовном судопроизводстве.

Основными элементами процессуального статуса указанного лица являются права и обязанности. Органическая связь названных выше элементов позволяет говорить о правообязанности начальника подразделения дознания. Выражается это в том, что в отличие от непубличных участников уголовного судопроизводства начальник подразделения дознания реализует свои права в обязательном порядке. Это делается для обеспечения и защиты публичных интересов.

Давая общую характеристику процессуального статуса начальника подразделения дознания, следует подчеркнуть его отраслевой характер, определяемый уголовно-процессуальными нормами. Он базируется на общеправовом статусе, закрепляя положение указанного лица в уголовном судопроизводстве, охватывая наиболее существенные связи и отношения начальника подразделения дознания с другими участниками уголовного судопроизводства, как наделенными властными полномочиями, так и не имеющими таковых.

Таким образом, категории «полномочия начальника подразделения дознания» и «процессуальный статус начальника подразделения дознания» не совпадают даже при условии включения в число полномочий указанного лица обязанности отвечать за свои действия (ответственности) и прав, реализация которых обеспечивает другие права лица, входящие в его полномочия (гарантии). Полномочия начальника подразделения дознания — составная часть его процессуального статуса, имеющего отраслевой характер, являющегося разновидностью уголовно-процессуального статуса должностного лица, определяемого уголовно-процессуальным законом. Нормативным фундаментом уголовно-процессуального статуса начальника подразделения дознания, равно как и его составляющих (полномочий, гарантий и т.д.), являются положения, сформулированные в ст. 40.1 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. — М.: Советская энциклопедия, 1984. — С. 262.

2. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. — М.: Книжный мир, 2002. — С. 449 и др.

3. Халатов С.А. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2001. — С. 7.

4. О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ (с изм. от 20 мая 2002 г.) // СЗ РФ. — 1999. — №26. — Ст. 3176. — Утратил силу.

5. О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 11, 29 декабря 2004 г., 29 декабря 2006 г., 26 апреля 2007 г., 22 июля 2008г., 5 апреля 2009 г., 2 мая 2012 г.) // СЗ РФ. — 2003. — № 27. — Ст. 2709.

6. Теория государства и права / под ред. Н.Г. Александрова. — М., 1968. — С. 531.

7. Чертков А.Н. Четкость и единообразие конституционно-правовых понятий и разграничение компетенции // [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.lawmix.ru/comm/3272/> (Дата обращения: 28.09.2012 г.).

8. Жданов А.Ф. Конституционно-правовые вопросы установления общих принципов

организации системы органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2009. — С. 10.

9. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 28.10.2003 № 134-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 20.12.2004 № 163-ФЗ, от 24.07.2007 № 214-ФЗ, от 23.07.2008 № 160-ФЗ, от 11.07.2011 № 200-ФЗ, от 21.11.2011 № 326-ФЗ, с изм., внесенными Федеральным законом от 03.12.2007 № 320-ФЗ) // СЗ РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102; 2004. — № 35. — Ст. 3607.

10. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. К понятию полномочия // Вестник гражданского права. — 2012. — № 2. — С. 67.

11. Орешин Е.И. Правовая природа полномочия представителя // Журнал российского права. — 2007. — №2. — С.122.

12. Трещева Е.А. Понятие и виды полномочий представителей в арбитражном процессе // Российская юстиция. — 2007. — №11. — С. 29.

13. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. — Воронеж, 1978. — С. 9.

14. Насонова И.А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: монография / под ред. О.А. Зайцева. — М., 2011. — С. 17.

15. Эркенов М.Б. Процессуальный статус дознавателя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Б. Эркенов. — Нижний Новгород, 2007. — С. 6.

16. Куртяк И.В. Правовой статус должностных лиц органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 1998. — С.30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанова Татьяна Александровна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса. Воронежский институт МВД России.
E-mail: tatjana020382@yandex.ru
Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 247-67-07.

Stepanova Tatyana Aleksandrovna. Post-graduate cadet of the criminal process chair. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 247-67-07.

Ключевые слова: начальник подразделения дознания; полномочия; права; обязанности; гарантии; процессуальный статус; дознаватель; государственный орган; должностное лицо.

Key words: the chief of inquiry division; the powers; rights; obligations; warranties; procedural status; the investigator; the public body or official.

УДК 343.13

М.М. Краюшкина,
Московский университет МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЛИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

CURRENT ISSUES OF STREET CRIME

В статье рассматривается уличная преступность: ее понятие, классификация преступлений и типология преступников, латентность уличных преступлений, уличный криминальный профессионализм, связанный с личностью преступника.

This article examines the street crime, its concept and scope of the study. Classification of crimes and the typology of perpetrators of street crime. Latency of street crimes, street crime professionalism connected with the personality of the offender.

Преступления, совершаемые на улицах городов, в целом рассматриваются криминологией как самостоятельный вид преступности и чаще всего именуется уличной преступностью. Все криминальное в данном случае определяется улицей. Однако улицы отличаются друг от друга: улицы больших городов, малых и т.д. Здесь классификация преступлений соответствует классификации городов, и в каждом случае проявляется своя специфика.

Криминологи исходят из общего представления об улицах городов.

Улицы, как пишут социологи, — это социальное пространство, социальная сфера, социальная атмосфера, социальная площадка и т.д., но главное — это социальная территория, соци-

альная среда, где складываются присущие улице общественные отношения, наконец, улица — это социальный «срез», определяющий социальную «плоскость», на которой происходят все уличные события. Соответственно общественным отношениям возникают уличные противоречия и уличные конфликты. Особо выделяя эти противоречия и конфликты, социологи указывают на роль личности в уличной жизни, обращают внимание на «человека улицы», на особенности его поведения на улицах городов. По мнению психологов, можно выделять психологию уличного преступника. Представляется необходимым изучение мотивации преступлений, совершаемых на улицах городов. В литературе указывается на разнообразие мотивов этих преступлений.

Важной проблемой исследования уличных преступлений является определение его пространственных пределов. Криминологическими пределами, или границами, в данном случае может являться только улица, ее территория. Этим определяется среда уличной преступности.

Обращает на себя внимание диапазон уличных преступлений: от малозначительных до особо тяжких, разнообразие лиц, совершающих эти преступления. По объему, количеству и другим показателям в системе различных видов преступности доминирует именно уличная преступность.

Уличные преступления легко эмпирически опознаются, они объединены единым термином. Следует учесть относительную самостоятельность уличной преступности, соответственно, можно говорить о самостоятельном направлении криминологического исследования, о научном обобщении, позволяющем формировать и конкретизировать соответствующие понятия и определения.

Уличная преступность находится в состоянии социального и информационного взаимодействия не только с жизнью улиц, но и других пространств. Однако в любом случае важно выделять социологию уличной преступности, демографию уличной преступности, многие другие общественные образования недифференцированного массива. Она обладает развитой криминологической структурой, включающей в себя в качестве основных элементов насильственные, корыстные и корыстно-насильственные преступления, хотя мотивы уличных преступлений практически безграничны. Ими определяются характер уличного преступного поведения и особенности личности преступника.

Несмотря на существующее разнообразие уличных преступлений, они представляют собой криминологически однородный феномен. Общность детерминации обуславливает принципиальное сходство совокупных криминологических характеристик рассматриваемых преступлений, а также социальных и нравственно-психологических свойств преступников.

Классификацию деяний вполне допустимо проводить в рамках уличных преступлений в целом. Соответственно следует изучать и типологию уличных преступников.

При анализе уличных преступлений на массовом уровне, когда имеется в виду уличная преступность в целом, обнаруживается лишь их общая характеристика, а особенности каждого отдельного преступления и каждой личности преступника не проявляют себя. Поэтому для конкретизации анализа необходима их классифика-

ция, то есть сведение в группы. Это дает возможность учесть однородность и разнородность преступлений, сходство и различия преступников. Заметим, однако, что классификация, как и типология, зависит от целей исследования.

Уличный преступник — это «особый социальный тип личности». Он совершает «преступления особого вида». Подчеркнем следующее: определение указанных понятий как «особое преступление» и «особая личность» не имеет смысла, если они не связаны со спецификой улицы. В разрезе нашего исследования данные понятия интересуют нас прежде всего в той мере, в какой их свойства обуславливают совершение именно уличного преступления [1—4].

Давая общую оценку уличным преступлениям, надо заметить, что, по существу, здесь совершаются такие же преступления, как и по стране в целом. Однако, как уже отмечалось, у уличных преступлений весьма заметно проявляется специфика, выявляются многочисленные особенности. Некоторые из них имеют сугубо уличный характер, если можно так сказать уличное значение, как имеют, например, семейное значение семейные преступления, бытовое значение — бытовые. Уличные преступления «срастаются» с улицей и они связаны с личностью уличного преступника.

Для некоторых деяний «преступной площадкой» является только улица. В этом смысле в первую очередь следует назвать различного рода экстремистские деяния. Их число невелико, но оценивать их следует не по количеству, а по высокой степени общественной опасности, по характеру преступного проявления. С ними почти всегда связаны хулиганство и вандализм. При этом еще более повышается их общественная опасность. Среди сопряженных преступлений можно назвать терроризм, массовые беспорядки, другие особо опасные преступления.

Характерными именно уличными преступлениями являются «заказные убийства». Естественно, тесно «привязаны» к улице угоны автотранспортных средств. Можно назвать и другие типично уличные преступления. Очевидно, есть преступления, для совершения которых непременно необходима улица. Другие территории для них неудобны или вообще непригодны.

Приведем некоторые криминологические сведения о специально выбранных (отобранных и обобщенных) преступлениях.

В структуре уличной преступности кражи составляют 12%, а если выделить отдельно карманные кражи, то их окажется 6%, грабежи — 14%, разбой — 12%, хулиганство и вандализм

— 19%, изнасилования и другие сексуальные действия — 10%, убийства — 7%, причинения вреда здоровью разной тяжести — 12%. Остальные 8% приходятся на угоны автомобилей, уголовно-наказуемые дорожно-транспортные преступления, избиения, связанные с криминальными драками, и т.д. Подчеркнем, что это только регистрируемые преступления.

Особо надо сказать о латентности уличных преступлений.

Говоря о преступности в целом, исследователи отмечают, что коэффициент латентности составляет примерно один к десяти. Если иметь в виду уличную преступность, то здесь показатель латентности «зашкаливает», он равен (в лучшем случае) один к пятидесяти. Г.М. Миньковский в свое время писал: «Латентность на улицах кошмарная» [5]. «В наши дни, — подчеркивает И.Н. Крехтин, — уличные преступления реально учитывать невозможно, они буквально растворяются в атмосфере, они есть и их нет» [6]. Как видно, ситуация с регистрацией уличных преступлений весьма сложна.

Данная проблема непростая, она важна и интересна в связи с изучением преступности в целом. Существует единство, которое складывается из латентной (нерегистрируемой) преступности и нелатентной (регистраемой). Латентный означает скрытый, невидимый, ненаблюдаемый, или просто укрытый, не учитываемый.

Латентная уличная преступность как бы затаилась в укрытых от посторонних глаз тайниках, «закопалась» в них и оттуда влияет на уличную социальную среду, и сама испытывает ее воздействие.

Латентный не означает несуществующий, исчезнувший вовсе. Думается, что скрытая (и укрытая) латентная преступность более опасна и вредна, чем нелатентная. Надо указать на «скрытую активность» латентной преступности. Следует обратить внимание на оказываемые ею препятствия процессам борьбы с преступностью [7].

По нашему мнению, латентные уличные преступления могут рассматриваться как факторы, отрицательно влияющие на деятельность по эффективному обеспечению безопасности граждан на улицах городов, успешной защите их от преступных посягательств.

В системе криминальных событий на улицах городов доминируют групповые преступления. Если по стране в целом групповых преступлений около 70%, то на улицах их почти 90%. В основном это группы несовершеннолетних и молодежи. На улицах совершается множество (около 100 тысяч в год) преступлений лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности

(до 14-летнего возраста) — «детская преступность». При этом создаются особого типа группировки, достаточно развито вовлечение детей взрослыми в сферу криминала. Преступные группы, действующие на улицах, делят между собой территорию города, однако во многих случаях взаимодействуют и объединяются для совершения тех или иных сложных преступлений.

Характерной чертой уличных преступных групп является агрессия, обычно переходящая в насилие. Наиболее опасны устойчивые группы, отличающиеся к тому же активностью. Общность интересов и единство действий — это их основная черта. Хотя уличные преступные группы и многочисленны, на улицах в целях конспирации они делятся на подгруппы, часто преступники действуют поодиночке, но под прикрытием группы. Вообще направленность группового поведения определяется средой, в которой она действует [8]. «Уличная среда наиболее благоприятна для деятельности преступных групп, их направленности и мобильности» [9]. Специфика уличных преступных групп проявляется достаточно ярко. Особенно среди маргиналов, находящихся на «социальном дне». Уличные преступные группы свидетельствуют об особой эгоцентрической их направленности, предельной улично-преступной распушенности. Для них характерна повышенная общественная опасность.

В связи с развитием на улицах «детской преступности» создаются и достаточно активно проявляют себя «детские преступные группы». Возраст их участников — до 14 лет. Здесь есть лица, уже имеющие преступный опыт. Численность таких групп в среднем 5—10 человек. По существу, это бродяги. Воровство — их главное ремесло. Женский пол представлен весьма слабо — максимум двое из десяти.

В группах несовершеннолетних также достаточно много бродяг, особенно среди лиц в возрасте 14—15 лет, ранее судимые встречаются среди тех, кому 15—17 лет. Численность этих групп неоднозначна: до 5 человек, 5—10 участников, 10—15 и более человек. Здесь уже имеются ранее судимые. Женский пол также представлен слабо: в среднем на группу всего 4 человека. Однако среди женщин встречаются ранее судимые.

Группы несовершеннолетних преступников и «детские преступные группы» часто сражаются для совершения преступления. Нередко с ними объединяются и молодежные группы в возрасте 18—20 лет. Дело в том, что групповое преступное поведение усиливает действие каждого соучастника преступления, то есть сила

посягательства удваивается, утраивается и т.д. Иначе говоря, возможность подавить сопротивление потерпевшего (а на улице могут найтись его заступники) возрастает, когда преступные группы объединяют свои усилия. Совместно преступники действуют более уверенно и решительно. Совершить преступление одному часто бывает страшно, а в группе страх уменьшается или исчезает вовсе. Это особенно касается рассматриваемых нами групп несовершеннолетних и детских преступных групп. Поэтому подростки всегда «шатаются» по улицам городов «шайками». Так же проявляет себя на улицах и молодежь. При этом используется ресурс группы, ее совместная сила.

Подчеркнем, что слабость каждого преступника становится общей силой, когда преступники в группе. Преступная группа — это продукт слабости каждого ее участника. Трусость одиночек сама по себе ничего не значит, они становятся «храбрыми» в группе и при поддержке сильных. Слабых и трусливых одиночек на улицах городов почти не видно. Чаще всего встречаются пьяные «шайки» социального дна.

На улицах городов проявляется множество различных преступных групп. Их изучение — предмет социального исследования. Мы выделяем самые распространенные. Это, как мы уже указали, подростковые группы, группы несовершеннолетних и молодежи. Все они общественно опасны. Наиболее высокую степень общественной опасности представляют собой уличные организованные преступные группы. Они также нуждаются в криминологическом изучении. Почти все группы так или иначе взаимозависимы. Общим для них является то, что они действуют в условиях улицы, то есть их социальная база — уличная среда.

Уличная социальная среда является базой для рецидивистов. Уличная рецидивная преступность имеет весьма высокую общественную опасность. Опасен каждый рецидивист. Рецидивист в преступной группе еще более опасен. В целом среди участников всех уличных преступлений их около 40%, а среди тех, кто совершает групповые преступления на улицах городов, еще больше — 52%. Как правило, это лидеры преступных групп. Среди рецидивистов, орудующих на улицах, почти 20% входят в организованные группы. У рецидивиста особенно ярко выражена его личность [10]. Общественно опасно не только рецидивное преступление, но и сама личность рецидивиста.

Рассмотрим общие положения, касающиеся данного вопроса.

Когда речь идет об общественной опасности уличных рецидивных преступлений, акцент должен быть направлен в одинаковой мере на деяние и на личность. Ранее судимый и ранее не судимый — личности, по существу, одинаковые. Но когда вопрос касается уличной социальной среды, то отрицательные свойства личности, взятые во взаимодействии с уличной социальной средой, у рецидивистов проявляются сильнее. В преступлении всегда видно, какая «рука» действовала, что увеличивает общественную опасность — само рецидивное деяние или личность, совершившая его. На первый план выдвигается личность. Это важно учитывать при профилактике преступного поведения.

Рецидив уличных преступлений — важный индикатор эффективности их профилактики. При профилактике надо учитывать, что растет специальный рецидив: если первое преступление было уличным, то и второе таким же — 8%. Анализ показывает, что бывает даже три-четыре уличных преступления подряд. Рецидив преступления в данном случае свидетельствует о том, что на улицах городов имеются постоянно действующие причины и соответствующие условия, обуславливающие возвращение в уличную преступную среду человека, который уже отбыл наказание, который уже был судим за уличное преступление и которого ни страх перед новым наказанием, ни предпринятые в отношении него меры исправления и индивидуального воздействия не могут удержать от очередного именно уличного преступления. Здесь легко обнаруживает себя причинно-следственная связь.

Попытаемся связать причины и условия преступности в целом с причинами и условиями уличной преступности. При этом на первый план мы выдвигаем свойства и состояние личности уличного преступника во взаимодействии с уличной средой, с соответствующей ситуацией, обстоятельствами жизнедеятельности, в которые включена личность.

Ссылаясь на учебники по криминологии, обобщая рассматриваемые в них положения, отметим: преступление — это всегда личность. Особенности личности уличного преступника во взаимодействии с особенностями уличной среды представляют мотивы преступлений. Что касается мотивов преступлений, то, как указывается в этих же учебниках, мотивы включены в причинный комплекс. Мотивы уличных преступлений можно считать внутренними причинами этих преступлений, но эта позиция условна. Характе-

ристика мотивации как причины преступления, как бы ни рассматривалась мотивация, условна. Тем не менее, о понятии мотивации как внутренней причины преступления в литературе говорится немало. Это связывается с субъективными причинами преступления, их условиями. В таком случае выстраивается определенная взаимосвязь: причины — условия — мотивы.

Из понятия «условия преступности» мы выводим положения, касающиеся уличных условий. Поведение человека на улице детерминруется уличной средой. Уличный уровень социальной жизни может быть охарактеризован наличием на улицах городов различных явлений, в том числе условий, которые формируют личность как непосредственно (прямая связь личности с улицами города), так и опосредованно (преломляясь через ближайшее окружение, непосредственную среду обитания).

Поскольку уличная преступность существует, более того развивается, то это связано, прежде всего, с ее реакцией на социальные уличные условия. Изучая уличную преступность, надо особо выделять внутренние механизмы ее развития. Мы согласны с тем, что проявляет себя самопроизводство уличной преступности, то есть преступность порождает самую себя. Действия уличного преступника детерминируются его собственной психологией. Однако внешнее воздействие отрицать нельзя. В литературе указывается на «единый системный блок»: социальные условия, социальная среда и личность.

Через социальные условия прослеживается связь между преступностью и обществом, именно поэтому эти условия занимают главное место в системе социальной детерминации. Социальными условиями обусловлены все процессы отдельных видов преступности в различных сферах. Все проблемы преступности «замыкаются» на ее социальные условия. Что касается изучаемой нами уличной преступности, то она, как и любой другой вид преступности, не только порождена условиями общественной жизни на улицах, но и сама является частью этих условий. Здесь существует следующая зависимость: общество — социальные условия улиц — уличные преступления. В конечном счете, все, что касается уличной преступности, определяет уличная среда. И все же особую роль играет личность. Нет преступления без человека.

Уличный криминальный (преступный) профессионализм — это также одна из важнейших проблем. Она тесно связана с личностью и средой ее обитания. Этот профессионализм проявляется наряду с преступными группами, особенно организованными, реци-

дивной преступностью, вооруженной и т.д. Профессиональный преступник — это тип преступника, который всегда проявляет себя в условиях повышенной общественной опасности. При этом в первую очередь проявляется преступная специализация. Профессионалы активно действуют и в уличной среде: наемные убийцы, угонщики автомобилей, воры. Это, как правило, лица, имеющие опыт совершения преступлений на улицах. Для них характерно наличие прежних судимостей за уличные преступления. Как пишет С.А. Солодовников, «такой преступник является представителем уголовной субкультуры» [11]. По мнению немецкого криминолога Г.Й. Шнайдера, данная проблема заслуживает специального исследования. Особым, как он полагает, в данном случае является такой объект исследования, как улица, уличная среда, уличная преступность [12].

Иногда в литературе можно встретить суждение о том, что на улицах городов все криминальное носит случайный, хаотичный и совершенно нерегулярный характер. Мы считаем, что эта точка зрения не соответствует действительности. Она уводит нас от того, что улица — это система, уличная преступность также носит системный характер. Это касается и уличной субкультуры.

Данная проблема емкая, требует специального исследования, потому мы ограничимся лишь ее постановкой. Однако обратим внимание на то, что сегодня в уличной среде довольно наглядно развиваются субкультуры проституток, наркоманов, карманных воров и т.д. Г.Й. Шнайдер, изучая условия преступности в своей стране, пишет, что «уличная криминальная субкультура является хорошо организованной субкультурой». Это, безусловно, касается и нашей страны. Сегодня у нас на улицах много ранее не существовавших субкультур, это, например, проституция и ее субкультура (имеет место и детская проституция), гомосексуальная субкультура, субкультура наркоманов, субкультура угонщиков автомобилей, субкультура автомобилистов, нелегально перевозящих граждан, у водителей такси — своя субкультура и т.д., и все они так или иначе связаны с уличной преступностью. Для любой субкультуры характерна круговая порука. Все они находятся в состоянии криминального взаимодействия и информационного обмена.

Феномену виктимологии посвящено много научных трудов, но проблемы уличной виктимизации изучены недостаточно. Между тем нет преступлений без жертв. Существует связь «пре-

ступник—жертва». На улицах городов преступления имеют определенную направленность — «подавить» свою жертву. Виктимизация распространяется на улицах городов неравномерно. Больше всего потерпевших среди несовершеннолетних, женщин, пожилых людей, то есть тех, кого легче «сломать». Можно назвать и мигрантов, еще недостаточно уверенно ведущих себя на улице города. Виктимное поведение потерпевших отражается в преступлении. Иначе говоря, такое поведение облегчает совершение преступления. На улицах преступник и его жертва нередко ведут себя так, будто бы они вместе определяют свои действия, в литературе это называют «взаимодополняющим партнерством». Подчеркнем (и это важно для изучения именно уличной преступности), что в отношениях «преступник—жертва» имеет место интеракция, то есть обмен элементами причинности. На улицах люди нередко ведут себя так, что вызывают к себе интерес преступника. Именно так совершаются многие уличные преступления.

Таким образом, уличную преступность сегодня следует рассматривать не только как «психический раздражитель», но и как реальную угрозу, которая уже вышла за допустимо терпимый предел. Уровень безопасности на улицах города более чем низкий. Профилактика уличных преступлений оставляет желать лучшего. Все это говорит о необходимости изучения обозначенных проблем и внедрения в практику результатов научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллов С.И. Личность преступника (проблемы типологии). — Курск, 1998. — С. 16—17.
2. Сахаров А.Б. Личность преступника и типология преступников // Социалистическая законность. — 1973. — №3.
3. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. — Горький, 1974. — С. 40.
4. Блувштейн Ю.Д. Классификация преступлений // Профилактика правонарушений. — 1982. — С. 56.
5. Миньковский Г.М. Латентные преступления и их выявление // Региональная преступность. По материалам научно-практической конференции. — Вильнюс, 1989. — С. 44.
6. Крехтин И.Н. Регистрация и учет преступлений // Вестник Ставропольского университета. — 2008. — № 4. — С.18.
7. Санин А.А. Криминологическое изучение латентной преступности // Вестник МВД России. — 2007. — № 4. — С. 36—40.
8. Кудрявцев Н.В. Правовое поведение: норма и патология. — М., 1986. — С. 72.
9. Галиакбаров Р.С. Групповые преступления. — Омск, 1987. — С. 14.
10. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. — М., 2004. — С. 166.
11. Солодовников С.А. Криминальная экономика. — М., 2003. — С. 117.
12. Шнайдер Г. Й. Криминология (перевод с немецкого). — М., 1994. — С. 16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Краюшкина Мария Михайловна. Аджюнк кафедры криминологии.
Московский университет МВД России.
Россия, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, 14, 127. Тел. 8-903-165-64-36.

Kraushkina Maria Mikhailovna. Postgraduate of the Department criminology.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: kraushkina-m@inbox.ru
Work address: Russia, 117437, Moscow, Akademika Volgina Str., 14, 127. Tel. 8-903-165-64-36.

Ключевые слова: уличная преступность; категория преступников; рецидив преступлений; латентная преступность; преступность несовершеннолетних; уличная субкультура; жертвы уличных преступлений.

Key words: street crime; the category of criminals; relapse of crimes; latent crime; juvenile delinquency; street subculture; victims of street crime.

УДК 343.8